

Дальневосточное региональное литературное издание

Литературный меридиан

Ноябрь 2010 г. № 13 (37)

В.К. АРСЕНЬЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЁТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Великие Луки. Памятник Александру Матросову. Фото Владимира Тыцких

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Геннадий БОГДАНОВ. (Литературный путеводитель).....	4
Евгений ВЕСНИК. (Театральные были)	6
Владимир ЛЮКОВ. (Поэзия)	7
Юрий КАБАНКОВ. (Истоки)	8
Светлана ШКЛЯЕВА. (Проза)	11
Расуль ЯГУДИН. (Эхо прошлого века)	12
Сергей МОЗГОВОЙ. (Проза)	14
Александр ЕГОРОВ. (Поэзия).....	15
Василина ОРЛОВА. (Поэзия)	16
Вера ГУНДАРЕВА. (Поэзия)	17
Григорий РЕЙНГОЛЬД. (Памяти свет)	18
Владимир ТЫЦКИХ. (Поэзия).....	20
Софья ИОСИЛЕВИЧ. (Поэзия)	21
Елена ШЕВИЧ. (Поэзия)	22
Людмила БЕРЕСТОВА. (Поэзия)	23
Анна ПЕТРОВА. (Проза)	24
Татьяна КИРИЯКА. (Проза)	26
Жанна РАЙГОРОДСКАЯ. (Проза)	28
Владимир МОНАХОВ. (Литературные юбилеи)	31
Ольга ЛЕВАШОВА. (Проза)	35
Геннадий ХОМСКИЙ. (У подножия Парнаса)	36

Трусливый медведь

Николай КОРТЕЛЕВ,
п. Кавалерово, Приморский край

Лето стояло жаркое, но дожди не забывали Приморье. То циклон придет и принесет влагу, но уж если тайфун пожалует, то проливные дожди льют сутками.

Маленькие ключики превращаются в горные реки, дороги исчезают под водой.

Машины в такое время бездействуют, и только вездеходы «Уралы» могут передвигаться в экстренных случаях.

После обильных дождей вода спадает быстро. Уже через пару дней речки входят в свои русла, и лишь размытые берега напоминают о разгуле стихии.

Для возобновления сельхозработ потребуется еще два-три дня. В это время на селе праздник. Сельчане занимаются своими домашними делами. Любители порыбачить отправляются на речки, охотники уходят в тайгу, грибники-ягодники промышляют своим промыслом.

Рано утром к Степану забежал Анатолий:

– Степан, у тебя мотоцикл на ходу?

– Да, а что тебя принесло в такую рань?

– Эх, Степа, кто рано встает, тому Бог дает. Я знаю, что в районе Сибайгоу грибов уйма, орехи в верховьях нужно проверить. Да и винограда в этом году много. Отсоединяй люльку от мотоцикла, а я сбегая еды возьму да к бабе Тане забегу, бутылку прихватчу.

– Ну коль бутылку, то я мигом люльку отброшу.

Степан выкатил мотоцикл. На улице светило яркое утреннее солнце. После вчерашнего дождика все дышало свежестью. Подступавшая к самому огороду тайга встала во всей красе. Деревья, умытые дождем, издавали аромат. Стройные березки прихорошились и что-то шептали своими зелеными листочками, будто договаривались на вечерние посиделки. Стояла августовская тишина. Лишь пастух, собирая в стадо коров, нарушал целканьем кнута благодать деревенской тишины.

– Какая прелесть! – вслух сказал Степан. – И что это люди рвутся в город?

Разве в городе увидишь такую красоту, разве услышишь утреннее пение птиц? Да и кто в городе, встав после сна, может выпить прямо из большой банки парного молока и отрезать краюху хлеба? Нет, жить в город не поеду!

Он отрезал половину буханки горячего хлеба, большущий кусок сала, бросил в рюкзак пару головок лука, нож, кружку, крикнул жене, хлопотавшей во дворе: «Приеду к вечеру, готовь посуду для засолки грибов!».

Мотоцикл рванул к дому Анатолия. От луж летели брызги, куры разлетались по сторонам. Анатолий с рюкзаком за спиной поджидал у крыльца.

– Бутылку прихватил?

Анатолий в ответ улыбнулся и рукой указал на рюкзак.

До развилки дороги на поселок Ольга долетели за считанные минуты. На девятнадцатом километре Ольгинской трассы свернули на проселочную дорогу.

Через каждые сто метров дороги были огромные лужи, напоминающие о недавних обильных ливнях. Когда приходилось объезжать эти лужи, Анатолий прыгивал с заднего сиденья мотоцикла и бежал вслед за ним. Степан выезжал на ровную дорогу и ожидал Анатолия. А тот, запыхавшись, с рюкзаком за спиной, прыгал на заднее сиденье и кричал: «Жми на железку!»

Степан был веселым парнем, никогда не унывал. Он недавно вернулся со службы во флоте, носил матросскую тельняшку и часто рассказывал, как они ходили в дальнее плавание на большом корабле. Команда была такой многочисленной, что если собрать всех наших мужиков в деревне да пристроить к ним всех подростков, то все равно экипаж корабля не будет укомплектован. Он гордился тем, что служил на флоте. Всех пацанов в деревне он называл салагами, а кухню камбузом. В сложных ситуациях, когда нужна была подмога, он зычным голосом кричал: «Полундра!». В деревне его звали Степка-моряк.

Проехали километров пять от Ольгинской трассы. Дорога то исчезала, то вновь появлялась. Начался подъем. Мотоцикл шел с нагрузкой, то и дело попадались колдобины, залитые водой. Глушитель шипел, пар валил, как из трубы паровоза. Подъем делался все круче и круче, дорога исчезла совсем.

– Где же твои грибы? – спросил Степан

– Будут тебе грибы, вот только на сопку заберемся, а грибы там хоть косой коси, – ответил Анатолий.

Наконец мотоцикл не смог преодолеть крутой подъем и заглох. Решили дальше идти пешком. Замаскировали под деревом мотоцикл и начали карабкаться на крутую сопку. Перед ними густой стеной стоял сплошной кедр. Его верхушки покачивались от ветра, и крупные шишки, будто ананасы, свисали с веток.

– Хороший в этом году будет урожай на орехи, – промолвил Анатолий, – через месяц приедем сюда шишковать.

– Да, – подтвердил Степан. – Вот управимся с уборочной кампанией, возьмём палатку и с недельку пошишкуем.

Через некоторое время действительно вышли на полянку. Грибов было полно, но белый гриб попадался редко. Забрались в мелколесье. Здесь, будто в строю, грибы рядовки. Но их брать не стали. Через некоторое время набрали на искусственные солонцы. Видно, недавно браконьеры были здесь. У большого дерева под корни затрамбована была соль. В 50-ти метрах на могучем кедре был устроен лабаз.

– Смотри, Степан, – кричит Анатолий, – гильза от карабина.

Степан взял в руки гильзу, повертел, дунул в пустое отверстие, подумал и печально сказал:

– Видимо, пристреливали карабин.

– А вот и вторая гильза, – кричит Степан. – Понятно, готовились основательно.

Не боялись ходить и стрелять из запрещенного оружия.

– Как ты думаешь, Анатолий, кто может не бояться иметь карабин и боевые патроны к нему? Подумай! Ведь в магазине они не продаются.

– Кто мог сделать лабаз? Явно, браконьеры, и наверняка не из простого люда, – ответил Анатолий и с грустью добавил: – Как им не жаль стрелять в таких красавцев?! Особенно красиво смотрится оленуха. У нее глаза такие задумчивые и грустные. Помнишь, в прошлом году мы встретили изюбриху с детенышем. Как она бегала вокруг нас, защищая своего малыша. Сколько в ее глазах было мольбы. Пощадите малыша, говорили они.

Степан отвернулся и тихо проговорил:

– Такие люди жалости не имеют, им все равно, кого стрелять, оленя или птицу, они и человека убьют. Пойдем, Анатолий, побыстрее от этого места, а то неровен час, явятся «хозяева» да и нас за изюбров примут.

Друзья направились в противоположную сторону от лабаза и метров через двести вышли на поляну, заросшую мелкими березками. Здесь им начали попадаться подберезовики, подосиновики, а Анатолий нашел огромный белый гриб.

– Давай разойдемся метров на 50 друг от друга, – предложил Степан.

Решили спускаться к Ольгинской трассе по склону сопки, а там низом распадка вернуться к оставленному мотоциклу.

Забрались в такой густой бурелом, что вскоре потеряли друг друга из виду.

Тайга была красива. На пути Степана попался огромный кедр, весь увитый красными гроздьями лимонника, но они свисали на высоте десяти метров, и достать их было сложно. Обойдя дерево, он понял, что ягоды недостижимы, и продолжил путь к трассе. Через некоторое время он обратил внимание на высокое дерево, увитое лозой дикого винограда. Куст был так велик и так плотно увешан гроздьями, что казался бурым. Виноград был еще незрелым. Посетовав, Степан начал обходить куст и услышал, что кто-то на противоположной стороне с треском ломает ветки. Ветер был сильный и дул со стороны доносившегося треска. Увидев силуэт, Степан подумал, что это Анатолий на противоположной стороне, и начал обходить куст. Выбравшись на обочину, он крикнул:

– Что, у тебя спелый виноград?

Силуэт выпрямился и так рявкнул, что у Степана уши заложило.

– Полундра-а!!! – во всю мочь заорал Степан.

Его крик разнесся по тайге. Анатолий услышал крик и поспешил на голос.

Подбегая к Степану, он увидел его, пританцовывающего у куста.

– Ты посмотри, Анатолий, что он наделал! Испортил половину куста.

Анатолий взглянул на куст и рассмеялся: половина куста была облита медвежьим пометом.

– Вот трус, – ворчал Степан, – а еще говорят, что медведь ничего не боится.

Постояв у куста, мужики направились к оставленному мотоциклу. Домой возвратились, когда в окнах уже светились лампочки.

Комната плача

(заметки о стихах Юрия Белинского)

Геннадий БОГДАНОВ

«Комната плача» – так называется небольшой поэтический сборник известного дальневосточного поэта Юрия Белинского. В выходных данных значится, что книжка выпущена хабаровской писательской организацией в 1997 году. Тираж не известен. Скромная бледно-фиолетовая обложка, листы, которые пришлось разрезать самому... На первой странице более чем лаконичная надпись: «Геннадию от Юрия» и дата 07.07 1999 г. Мне очень дорог этот, подаренный автором, сборник стихов. И дело даже не в том, что на протяжении многих лет нас связывают добрые дружеские отношения (жаль, что встречаемся очень редко), само содержание его просто и в то же время высокохудожественно отражает наше суетное пребывание в этом мире. Читателю сборника открывается истинно поэтический взгляд на привычные вещи, окружающие нас. Но чаще всего Юрий Белинский оценивает жизнь философски:

*Философия дома, где я проживаю,
Не жалея себя и не каюсь ни в чём,
Сохраняется в том, что я жизнь прожигаю,
Каждый день свою дверь открывая ключом...*

Но вот в другом стихотворении, которое начинается словами «Боже, как часто мы плачем!», поэт противоречит своему «не каюсь» и признаётся:

*Каюсь в российских полесьях,
В старых и новых грехах,
Плачет Буланова в песнях,
Плачет Белинский в стихах.*

Юрий Белинский – несомненно тонкий и вдумчивый лирик. В книге много стихотворений, посвящённых извечной теме любви. Поражает своей глубиной «Баллада о мужчине и женщине». Вот несколько строк:

*Они повстречались однажды друг с другом,
Не зная страданий своих наперёд,
Как если бы Север вдруг встретился с Югом,
Как если бы с пламенем встретился лёд...*

В небольшом стихотворении «Вопрос» проникновенно изображена встреча людей когда-то любивших друг друга. Оно всё проникнуто трагизмом неразделённой и потерянной любви:

*Он вошёл, серебряный от пыли,
Горечь узнав затаив,
Вздрыгнула хозяйка: «Это ты ли?»
Путник усмехнулся: «Это я»...*

Естественно, непростые девяностые годы, которые справедливо сейчас называют бандитскими, отразились в стихах поэта:

*Так много жизни за плечами...
Но в том печаль, что всё не то.
Хотя иные без печали
Живут на свете «от» и «до».
А я пассивный и усталый
Живу, как встарь, от «до» до «от»...
Не новый русский и не старый,
А просто – русский идиот...*

А вот стихотворение, где автор смело заявляет о своей позиции в мутное время перестройки, и с ним трудно не согласиться:

*Свидетель безликих идей,
Не ставший пока диссидентом,
Я верю чутью лошадей
Сильнее, чем всем президентам...*

В балладах Юрий Белинский, на мой взгляд, несколько тяжеловесен и сложен в своих философских воззрениях. Мастерски написана баллада «Из крымских легенд. Баллада о скифах, их жёнах и их рабах». И здесь читателю есть над чем задуматься. Но, несмотря на все сложности и дебри философских размышлений, автор может быть необыкновенно простым и понятным в своих стихах. Конечно же, мы знаем, какой труд стоит за кажущейся лёгкостью строк:

*Пахнет мылом от пелёнок.
На плите вода гудит.
На горшке сидит ребёнок
И на нас с тобой глядит.*

*Мы весьма довольны этим.
Мы на пуфиках сидим.
Никуда мы не уедем.
Никуда не улетим.*

Это концовка стихотворения «Обыватели», в котором автор тепло и с любовью рассказывает о семейном быте.

Белинский – удивительный поэт. Поразительно точно показан русский характер в стихотворении «Романтика по-русски»:

*Когда не накопил себе богатства,
Но всё ещё не высох от тщеты,
То думаешь с утра: «Куда податься?
Куда ещё сбежать от нищеты?
Куда уйти от сущности убогой
И как, сбежав от этих ветхих пней,
Какой-нибудь единственной дорогой
Когда-нибудь дойти до светлых дней?..»*

Подборка стихотворений Юрия Белинского открывает рубрику «Поэзия» четвёртого номера журнала «Дальний Восток». Называется подборка «Честь имею». В ней шесть больших стихотворений. Но это уже совсем другие стихи. Конструкция их лаконична и чётко выстроена. Больше всего мне понравилось стихотворение «Роман про побережье», хотя все стихотворения по-своему хороши.

И всё-таки, в заключение, хочу процитировать ещё одно стихотворение из скромного старого сборника, подаренного мне автором:

КОМНАТА ПЛАЧА

*Здесь наша тоска не помеха.
Здесь наши дела неважны.
Мы ходим по Комнате Смеха
И, значит, смеяться должны.*

*Слегка утомившись походом
По разным питейным местам,
Зашли мы сюда мимоходом,
Чтоб смысл не искать по кустам.*

*И вот, не остыв ещё, наспех
Глядим, рассупонив пальто,
Глазами, открытыми настужь,
Хотя и не знаем на что.*

*Кривые зеркальные сферы
Уродуют нас, как хотят,
То плечи сужая без меры,
То делая уши до пят.*

*То монстрами нас отражают,
И щерим мы хищный оскал...
Но жизнь иногда искажает
Похлеще подобных зеркал.*

*Нам скучно, противно и душно.
Но мы, как очнувшись от сна,
Смеёмся, хотя комнатушка
Для нашего смеха тесна.*

Мы нового здесь не увидим

*И старого здесь не найдём.
И скоро отсюда мы выйдем,
Но если точнее, то войдём.*

*Войдём мы, глаза свои пряча,
Не смея дела отложить,
В просторную Комнату Плача,
В которой нам выпало жить...*

ОФИЦИАЛЬНО

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.
 2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке (в крайнем случае – пишутся печатными буквами) с двойным интервалом. На обороте листа **НЕ** писать и **НЕ** печатать.
 3. **КАЖДЫЙ** лист должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (**ПОЛНОСТЬЮ**) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
 4. Фотографии принимаются **ТОЛЬКО КОНТРАСТНЫЕ**, высокого качества.
 5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (электронный адрес указан в выходных данных). **Файлы принимаются в формате WORD-2003.**
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора **Владимира Александровича КОСТЫЛЕВА.**
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **НЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ принципиально и в работу НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.**

Я – «Чуйков»

Евгений ВЕСНИК
г. Москва

1 февраля 1973 г. 20-00. Звонок. Из секретариата товарища Шауро, заведомом культуры ЦК КПСС: «Просьба срочно вылететь в Волгоград. Самолёт в 23-00. Машину на аэродром пришлём. В местном театре завтра премьера спектакля по пьесе Юлия Чепурина «Сталинградцы», посвящённого 30-летию Сталинградской битвы. Исполнитель главной роли командарма, маршала В.И. Чуйкова, не справился с задачей и с роли снят. Отменять спектакль нельзя, он транслируется по телевидению на всю страну. Вы фронтовик, опытный артист и, как выяснилось, очень похожи на маршала в молодости. И с возрастом всё нормально. Чуйкову в 1943 году исполнилось 43 года, а вам сейчас 50 лет. Нормально.»

2 февраля 1973 года 1 час 45 мин. Волгоград. Гостиница. В моём номере постановщик спектакля «Сталинградцы», главный режиссёр театра заслуженный деятель искусств РСФСР Владимир Владимирович Бортко (отец известного кинорежиссёра), биографы маршала, суфлёр, гримёр, костюмерша, портной. У меня в руках экземпляр пьесы. Рассказывают о привычках и характере Василия Ивановича Чуйкова. О том, что главное в спектакле, одновременно снимают мерку с моего торса, головы – все в ужасе: моя башка – 63,5 см в окружности, такого размера фуражки не найти. Но, к счастью, все сцены происходят в интерьере, можно обойтись и без головного убора.

Кто-то приносит кипяток, заваривает чай, нарезает хлеб, делает бутерброды. В этой суматохе я успеваю заглядывать в текст роли.

5.00 утра. Остаюсь один и ложусь спать. Да, да – спать. И спокойно засыпаю, поставив будильник на 7.00.

7.00. Будильник проявляет бдительность – будит. Снова зубрёжка текста.

8.30. Пришли костюмеры, примерили военный костюм, сапоги... Сообщили, что от парика решили отказаться.

9.00. Лёгкий завтрак с В.В. Бортко. Последние наказы.

10.00. Первая репетиция на сцене. Партнёры предельно внимательны, даже шёпотом подсказывают, когда нужно, текст. Режиссёр ну прямо отец родной – ласков, заботлив, а ведь славится суровым нравом!

13.30. Обеденный перерыв. Снова беседы о биографии Чуйкова с режиссёром спектакля.

14.00. Отдых на кушеточке в гримуборной. Зубрёжка текста.

15.00. Вторая репетиция – «репетэ», «репетэ», то есть повторение, повторение – мать учения!

17.00. Засыпаю в номере гостиницы.

17.45. Часовой будильник на страже. Зубрёжка текста.

18.30. В гримуборной театра показывают фотографии Чуйкова.

Ей-ей, я похож на него, на молодого! Причёсывают.

Весь грим – только общий тон: загоревшее, обветренное лицо, более мужественное, чем моё без грима – замечательно!

19.25. Узнаю, что в зале...сам Чуйков. Ноги чуть-чуть того...

19.30. Третий звонок для зрителей и для нас... Надо идти на сцену. Собранность предельная. Волнение уступает место сосредоточенности.

19.37. Занавес открыт. Мой выход – аплодисменты. Понимаю, не

мне – Чуйкову, «через меня». Это посредничество придало уверенности. А когда перекрестился кулаком (эту привычку Чуйкова подсказали его биографы), раздались аплодисменты. Но теперь уже в мой адрес, ибо зрительный зал не мог знать о такой привычке и счёл это за смелую актёрскую находку. Ну а когда после какой-то реплики беззвучно, только артикуляцией губ, обозначил слегка, вполоборота к зрительному залу, как бы самому себе, нецензурные слова, но наши «родные» (так часто на войне звучавшие и из моих уст, и из уст солдат, сержантов, маршалов), – вот тут-то зал по-настоящему взорвался и от смеха, и от аплодисментов. А я совсем осмелел и повёл себя так, будто играю роль в сотый раз! Текст не путаю. В темпераментных диалогах несколько раз брал в руки палку (подсказанная деталь) и энергично ею размахивал, что придавало ощущение возможности применения её в самых неожиданных моментах.

20.45. Антракт. Взмок насквозь. Костюмеры дали новую нижнюю рубашу, гладят китель. А в мою артурборную входит маршал Чуйков. Первые слова:

– Чертяка! Ну тебя!

Вошёл адъютант. На моём гримёрном столике появилась бутылка коньяка, две рюмочки, две конфетки и нарезанное ломтиками яблоко.

– Давай, со знакомством!

Я говорю, что не могу: «Мне ведь вас доиграть надо! Что же я... э-э-э, того!

Василий Иванович слегка толкнул животом:

– Не расстраивай меня! Фронтовик ведь! По сто граммов принимали и как воевали, а? Будь здоров! И спасибо тебе!

– Ваше здоровье, спасибо, что зашли.

Ну и... согрешил. 50 граммов похоронил в себе.
– Кто тебе сказал, что я с палкой воевал и что словечки разные нехорошие знаю, а? Кто?
– Ваши биографы. Те, кто о вас книгу пишут.
Маршал улыбнулся с хитринкой: «Чертяки. Болтуны!»
Он обнял меня, попридержал в объятиях, похлопывая рукой по спине, и прошептал:
– Спасибо, чертяка! Я слезу даже пустил. Ну тебя... И ушёл, чтобы на людях не расплакаться.
21.00. Начался второй акт. Играл свободно, в охотку, чувствовал себя настоящим Чуйковым.
22.15. Финал спектакля. Поклоны артистов, режиссёра Бортко и автора – Юлия Петровича Чепурина. Зал аплодировал стоя. Маршала нам было невидно. Но по тому, что большинство зрителей аплодировало стоя вполоборота, а иные и спиной к нам, догадались, что он в зале.
23.00. Бутылка маршальского коньяка очень пригодилась. Выпили за его здоровье. На долгие годы подружились с В.В. Бортко-отцом.
10 часов утра 3 февраля 1973 года. Я дома, в Москве. Смотревшие телевизионную трансляцию спектакля рассказывали, что во время бурных аплодисментов зрительного зала на экране на миг появлялись портреты то маршала, то мой, и оба со слезами на глазах.
Когда маршал ушёл из жизни, я переживал потерю по-настоящему родного человека. А общался-то с ним – всего две-три минуты.

Война

Из уст пожилых и молодых немцев слушал искреннее осуждение фашизма и всё думал и думал о том, как могли душевно уравновешенные немцы, подарившие миру великих мудрецов-философов, писателей, артистов, музыкантов, клоунов, так быстро и легко стать марионетками в руках «волшебника» Гитлера, поставившего спектакль под названием «Взбесившаяся Германия»? Неужели ораторские, актёрские и режиссёрские способности Шикльгрубера (Гитлера) – а они явно ощущались в этом гении зла, – неужели только они загипнотизировали целую нацию и направили на дьявольский путь преступлений против всего человечества? Ну а что же ещё могло свести с ума немцев, которые теперь перед лицом всего мира каются и проклинают дурной сон, в котором маялись долгие годы?

Ораторские способности гения зла я испытал на себе, сидя в окопах под немецким городом Гольдап в Восточной Пруссии в феврале 1945 года. Наши радисты напали в эфире на его речь в Берлине. Признаюсь, ничего подобного в ораторских «экзерсисах» я не слышал и находился под большим впечатлением... И это при том, что 80 процентов слов не понимал! Это выступление было построено абсолютно профессионально: по музыкальным законам крещендо, хроматической гаммы, смены ритмов и силы звука. «М-да-а, – подумал я ещё тогда, – такая звуковая атака на солдат может поднять любого труса и бросить его на амбразуры противника! Дьявол, чёрт его побери!»

Теперь я справедливо уверен в том, что именно темпераментная ораторская звуковая атака, доходившая до психопатии, одурманивала немцев-аккуратистов, живших и плодившихся «по расписанию», согласно незыблемым канонам, созданным добрыми Грехен и Гансом, Марикой и Адольфом, Эльзой и Куртом с их «бир унд вюртсхен» (пиво и колбаски) и «мильх унд эйер» (молоко и яйца), шарлоткой и пудингом...

Владимир ЛЮКОВ,
г. Москва

КЛЁНЫ

*Пожелтели клёны
В парке у реки,
И летят со склона
Листья-мотыльки.*

*На аллеях пусто,
Дождик всех прогнал,
И немножко грустно,
Осень правит бал.*

*А на танцплощадке
Слышен гром оркестра.
Старики вприсядку,-
Веселей, маэстро!*

*Зазвучат валторны,
И подхватят альты,
Застучат задорно
Капли по асфальту.*

*Как давно я не был
В этом парке старом,
Где когда-то бегал
С бронзовым загаром.*

*Первая девчонка,
Поцелуй несмелый,
Хохотала звонко,
В косах бантик белый.*

*Пожелтели клёны
В парке у реки,
И летят со склона
Листья-мотыльки.*

*Лист щеки коснулся
И упал под ноги.
Я опять вернулся
После странствий долгих.*

ГДЕ-ТО, ЗА МОРЕМ

*Где-то, за морем, кончается ночь.
Там зарождается день золотой.
В снах разноцветных,
умчавшихся прочь,
Я возвращаюсь домой.*

*В городе нашем заснеженных грёз
Мы затерялись на стыке времён.
Всё принимается нами всерьёз,
А не как сказочный сон.*

*В небе растает серебряный шар,
В озере дрогнет зеркальная гладь.
Заполыхает осенний пожар,
Листьев багряная прядь.*

Первая русская песня в Японии

Юрий КАБАНКОВ,
г. Владивосток

9 октября 1793 года у гавани Нэмуру на восточном берегу острова Эдзо (который ныне мы знаем как Хоккайдо) появился русский корабль – бригантине «Екатерина», – на котором прибыла в Японию экспедиция под руководством Адама Кирилловича Лаксмана. Эта была первая официальная попытка России установить дружественные отношения с Японией.

Справедливости ради нужно сказать, что ещё в 1739 году, когда Берингом был открыт северный морской путь в Японию, была сделана первая неудачная попытка установить отношения с восточной соседкой, однако попытка эта носила неофициальный характер. Указ императрицы Анны Иоанновны Витусу Берингу от 2 мая 1732 года звучал так: «Японских никаких судов не брать, ежели кто чинить будет, то может добровольно торг завести, а наипаче не произошло бы от того с таким народом, который к коммерции зело нужен, несогласия и ссоры». [9]

Через шестьдесят с лишком лет после этого настоятельного Указа русский корабль впервые вошёл в японские воды. На корабле по приказанию Екатерины II были возвращены в Японию три японца; один из них – Дайкокуя Кодая – капитан японской торговой шхуны, которую за десять лет до описываемых событий отнесло бурей к русским (в то время) Алеутским островам.

Злоключения японских моряков – завидный сюжет для целого романа. Скажем лишь, что море носило их шхуну более семи месяцев (корабль шёл в Эдо – который мы знаем ныне как Токио – с грузом риса, и потому экипаж не погиб с голоду). Четыре года прожили японцы на острове Амчитка вместе с русскими промышленниками; потом – год на Камчатке. Оставшиеся в живых шесть человек были при содействии местных властей отвезены в Иркутск через Тигиль, Охотск и Якутск.

Здесь, в Иркутске, двое из приехавших изъявили желание остаться в России, крестились в православную веру и получили русские имена. Первый (Сёдзо) – Фёдора Ситникова, второй (Синдзо) – Николая Колотыгина, который стал одним из первых в России преподавателей японского языка, использовался как переводчик для проверки сведений о Японии, получив за свою деятельность чин титулярного советника. Остальные четверо настойчиво просили отправить их на родину.

Немалую роль в их судьбе сыграл учёный-естествоиспытатель Кирилл Густавович Лаксман (отец руководителя экспедиции на бригантине «Екатерина»), живший в то время в Иркутске. Он решил использовать японцев

для установления отношений с их родиной и связи с японскими учёными, о которых он имел сведения. Одним из этих учёных был Кацурагава Хосю. Именно он со слов капитана Кодая – по его возвращении – написал «Хокуса монряку» (т. е. «Краткие вести о скитаниях в северных водах», – как весьма удачно передал по-русски название этого труда В. М. Константинов, работы которого мы здесь используем). Было ещё одно название у этих материалов: «Оросия-коку суймудан» – «Сны о России»; ибо – то, что произошло с капитаном Кодая и его спутниками, действительно похоже на сон.

В январе 1791 года Кирилл Лаксман поехал вместе с Кодая в Петербург. Там он подал Екатерине прошение Кодая о возвращении на родину и собственную докладную записку с проектом отправки в Японию официального посольства для установления с нею торговых и других отношений. Лаксман предлагал, чтобы в знак дружественного отношения России к Японии это посольство увезло Дайкокуя Кодая и его товарищей на родину.

Кодаю впоследствии подробно рассказал о приёме в Царском Селе, не преминув упомянуть и о том, когда он описывал бедствия, постигшие их, императрица громко выражала своё сочувствие. Так, например, в записи его рассказа переданы японской слоговой азбукой русские слова, произнесённые Екатериной: «Бедняжка!» и «Ох, как жалко!», – и пояснено их значение.[9]

13 сентября 1791 года Екатерина II подписала «именной» Указ № 16985 иркутскому генерал-губернатору об отправке в Японию экспедиции в целях установления торговых отношений. В Указе, в частности, говорилось: «Случай возвращения сих японцев в их отечество открывает надежду завести с оным торговые связи, тем паче, что никакому европейскому народу нет столь удобностей, как российскому, в рассуждении ближайшего по морю расстояния и самого соседства». [9] На прощание Екатерина подарила капитану Кодая табакерку, золотую медаль с лентой, золотые часы и 150 золотых червонцев. Если учесть, что один червонец весил 3,5 грамма, можно понять, сколь щедрыми были подарки.

По всей видимости, нам не стоило бы напоминать о том, что окончательной цели своей экспедиция не достигла, ибо в ту пору правительство Японии проводило так называемую «политику закрытия страны» («сакоку сэйсаку»), установленную за полтора столетия до описываемых здесь событий: с 30-х годов семнадцатого столетия.

Эта политика являла собой – по сути – естественную

реакцию осознающей себя нации на, скажем так, оголтелое миссионерство западного христианства в лице, прежде всего, Ордена иезуитов.

К слову сказать, взглядыываясь в нынешнее духовное состояние России, стоило бы проанализировать феномен такой политики в свете не только метафизической необходимости сохранения духовного ядра нации. Ведь «при открытых границах гораздо быстрее перемещаются отбросы культуры, а не её вершинные достижения», – вполне резонно замечает современный философ и богослов Андрей Кураев.

(В очередной раз цитирую ранее сказанное:

«...вспомним, что Кавабата Ясунари, нобелевский лауреат 1968 года, не вовсе тщетно пытался отвернуть от «прогресса» и американизма духовное зрение японцев, чего я от души пожелал бы сегодня своим соотечественникам. Ныне автор «Тысячи летящих журавлей» сам стал для нас тысячекрылым журавлём, несущим «вслед за солнцем» эстетическую утончённость чайной церемонии «*тядо*» («путь чая»), в которой духовное и эстетическое начала (по-нашему «Добро» и «Красота») органично и неразрывно слиты. [7] (Вспомним Вл. Соловьёва: «Красота есть осязательная форма истины и добра». [14]) Для японца это своеобразный «путь» просветления и душевной чистоты. Окакура Какудзо, заслуженный, как сказали бы у нас, деятель японской культуры, в своей знаменитой «Книге о чае» ещё в 1906 году, сразу после победного (для японцев) завершения русско-японской войны, писал: «Чайный обряд для японца – это религия. Это обожествление искусства жить. Иностранцы обыватели называли нас варварами, пока мы целиком предавались мирному искусству, но с тех пор, как Япония устроила кровавую бойню невиданного размаха на полях Маньчжурии, они называют её цивилизованной страной. В последнее время много стали говорить и о «пути самураев» – «*бусидо*», но почти никто не обращает внимания на «*тядо*». Если цивилизованность зависит от успеха кровавых войн, мы скорее согласимся остаться варварами.» [11] Думаю, что и нам не стоило бы стыдиться своего – на взгляд Запада – «нецивилизованного варварства», – в пику варварству «цивилизованному». Ибо, как писал один из когорты наших религиозных философов, изгнанных большевиками из страны в 1922 году, Иван Ильин: «Народ может иметь древнюю и утончённую культуру, но в вопросах внешней цивилизации являть картину отсталости. И обратное: народ может стоять на последней высоте техники и цивилизации, а в вопросах духовной культуры переживать эпоху упадка». [4] (Как проникновенно призывал преподобный Серафим Саровский: «Радость моя! Стяжи дух мирен, и тысячи душ спасутся возле тебя!» [13])

Так вот, в силу «политики закрытых дверей» доступ в Японию иностранцам был категорически запрещён. Исключение было сделано только для китайцев и голландцев. Последним разрешалось присылать для торговли в Нагасаки не более чем по одному кораблю в год. Японцам выезд за пределы страны также запре-

щался; нарушившие этот запрет подвергались строгим наказаниям, вплоть до смертной казни.

В такой вот обстановке и произошло возвращение капитана Кодаю и его товарищей на родину. Естественно, что неизбывные ни во времени, ни в пространстве органы безопасности не дремали и приставили к капитану Кодаю уже упоминавшегося нами учёного Кацурагава Хосю для того, чтобы последний скрупулёзно зафиксировал все «показания» возвращенца.

Слава Богу, никаких репрессивных мер в отношении Кодаю не последовало. А «показания», в которых содержались обширные сведения о России – от религии до катания на коньках – под названием «Хокуса монряку» были препровождены в секретный архив, где благополучно пролежали «под сукном» аж до 1937 года, когда впервые были опубликованы на японском языке (в 1978-м – впервые на русском).

На этом можно было бы и закончить «введение в тему», когда бы не осталась одна изюминка, без которой никакое десертное блюдо не может считаться полностью завершённым. Эта, в общем-то, сентиментальная история вполне в духе сентиментального восемнадцатого столетия.

Во время своего пребывания в Петербурге Дайкокуя Кодаю жил в Царском Селе, в доме Осипа Ивановича Буша – смотрителя царскосельских садов. Сестра Буша, Софья Ивановна, душевно сдружилась с японцем и, узнав из его рассказов о кораблекрушении и несчастьях, постигших Кодаю и его товарищей, сочувствуя с ними (а не им, как мы ныне привыкли говорить), – сочинила для Кодаю песню, ставшую первой русской песней, попавшей в Японию и переведённой на японский язык. [8] По-русски песня звучала так:

*Ах, скучно мне
На чужой стороне!
Всё не мило,
Всё постыло.
Друга милого нет,
Друга милого нет.
Не глядел бы я на свет.
Что, бывало, утешало –
О том плачу я.*

Кодаю со слезами на глазах напевал эту песню, бродя в тоске среди великолепия царскосельских садов. В его устах она (записанная потом кириллицей) звучала так:

*Аха сукусино мэня
Нацудзой суторонэ
Фусэнэмиро
Фусэнпосутэро
Доругамэрованэто
Доругамэрованэто
Нэгирэдэрабу янасиуэта
Титоппиваро утясэро
Отому пурати я.*

Воротившись в отечество, Кодаю перевёл эту песню на японский язык, и уже перевод с японского мог бы звучать так:

*Ах, скучно (мне)
На чужой стороне!
Всех, всех прошу:
Не покидайте (меня)!
Какие же вы бессердечные!
Какие же вы бессердечные!*

*Даже не смотрите (на меня),
Отворачиваетесь в сторону.
Как горько, как тяжко!
И сейчас (остаётся) только плакать.*

Такая вот получается сентиментально-драматическая история с географией.

Для углубления же (или расширения) заявленной темы здесь необходимо – хотя бы тезисно – констатировать факт дальнейшего влияния русской словесности на японскую литературу. Для этого достаточно озвучить имена хотя бы двух классиков японской литературы двадцатого столетия: поэта Исикава Такубоку с его «грустными игрушками», «горстью песка», сыплющимися меж пальцев – проникновенными пятистишьями («танка»), ставшими после его смерти (как это водится и у нас) классикой национальной словесности [5]; с его «Дневником, написанным латиницей», где запечатлены его «неосуществимые, фантастические мечты: цунами и Хакодате... поездка на Сахалин, в северные районы Сахалина в России... встречи с государственным преступниками...» [6]; Исикава Такубоку с его трогательной любовью к Тургеневу и Кропоткину, с его знаменательным стихотворением «Памяти адмирала Макарова», в котором он славит «доблестного врага» [10]. И – прозаика Акутагава Рюноске [1], чьи произведения органично, хотя и с трагической надломленностью впитали в себя дух классической русской литературы девятнадцатого века. Чего стоят его почти гоголевский «Нос», его сполна буддийская «Паутинка» – сродни Грушенькиной луковке из «Братьев Карамазовых» [3], или рассказ «Вальдшнеп» – о весьма непростых житейских и мировоззренческих взаимоотношениях Льва Николаевича Толстого и Ивана Сергеевича Тургенева.

Кроме того, стоило бы озвучить здесь имя нашего современника Харуки Мураками с его, мягко говоря, замысловатым романом «Охота на овец», в котором Овца есть опосредованный японской религиозной и культурной традициями образ евангелического Ангела. Герой романа резонно – в контексте времени – рассуждает о том, что «вообще в мире мало вещей, о которых мы действительно что-то знаем. В большинстве нам только кажется, что мы знаем». И это – не смотря на то, что он «по три раза прочёл «Братьев

Карамазовых» и «Тихий Дон»; «Немецкую идеологию» – только один раз, но от корки до корки» [15].

В контексте нашей темы стоило бы упомянуть и о таком немаловажном событии в истории стран, как визит в Японию (и возвращение через Владивосток) цесаревича и будущего императора-мученика Николая Александровича. «Десять дней, проведённые наследником на японской земле, – пишет магистр Осакинского университета П. Э. Подалко, – были омрачены событием, потрясшим Японию и могущим привести к самым непредсказуемым последствиям... Речь идёт об «инциденте в Оцу», как принято именовать в зарубежной литературе попытку покушения на Николая, предпринятую полицейским в г. Оцу 29 апреля 1891 года» [12].

На это покушение откликнулись своими произведениями многие русские поэты и писатели, среди них А. Майков, А. Апухтин и ряд других. Из зарубежных государственных деятелей с особым участием отнёсся к происшествию ведущий политик Китая, фактический премьер-министр этой страны, знаменитый на Востоке Ли Хун-чжан, «китайский Бисмарк», от имени китайского правительства подписавший с Россией договоры о постройке КВЖД (1896 г.) и об аренде Порт-Артура (1898 г.). «Он обратился к Николаю с личным письмом на английском языке, а своему сыну, бывшему в то время посланником Китая в Токио, вменил в обязанность непосредственно явиться в Кобе с выражением соболезнования». [12]

К слову сказать, император Мэйдзи просил русского священника в Токио (им был ставший впоследствии знаменитым отец Николай /Касаткин/, он же – св. Николай Японский) об оказании им содействия в улаживании конфликта. Нельзя вовсе не обмолвиться о таком необходимом явлении в русле японской и русской культур, как упомянутый выше епископ и святитель Николай Японский, – православный миссионер, под духовным руководством которого православные японцы в период русско-японской войны 1904-1905 гг. образовали «Общество духовного утешения пленных». Более того – православным японцам святитель благословил молиться о даровании победы их императору; сам же он во время войны не участвовал в общественном богослужении, потому что как русский не мог молиться о победе Японии над его Отечеством. Будучи сам горячим патриотом, епископ Николай ясно понимал, что такой же патриотизм нужен и для России, и для Японии, поэтому настойчиво требовал от своих последователей, чтобы они были верными сынами своей родины. «Истинный христианин, – учил он, – должен быть истинным патриотом». [2]

И, думается, лишь таким образом возможен в конце концов «на земле мир и в человеках благоволение» (Лк. 2; 14).

10 декабря / 27 ноября 1999 г.,
Иконы Божией Матери «Знамение»

«Молилась ли ты?..»

Светлана ШКЛЯЕВА,
г. Владивосток

юмористический рассказ

Случилось это в одном провинциальном городе. Жила-была одна среднестатистическая семья. Глава семьи – Кроткий Борис Григорьевич отличался колоритной могучей фигурой, но характером соответствовал своей фамилии. Его супруга Офелия, по паспорту – Федосья Кузьминична, и трое отвязных, незакомплексованных отпрысков шести, восьми и десяти лет. Супруги Кроткие были актерами, жили довольно скромно на свои чисто символические зарплаты. Так как троих оглоедов надо было кормить, одевать и развлекать, супруги заключили контракт на обслуживание Новогодних елок. И закружилась карусель! Утром – елки, вечером – театр. Федосья-Офелия вторую неделю крутилась как белка в колесе, не зная ни сна, ни отдыха. Почему Офелия? Да потому, что супруг Борис оказался слаб на выпивку. За день, побывав на нескольких елках, Борис к вечеру нагружался под завязку. Радушные хозяева «елок» считали делом чести поднести красноносому дедушке одну, другую стопочку. Сначала Дед Мороз-Борис отнекивался, ссылаясь на слабое здоровье, но этот аргумент могучего деда принимался за шутку. И рюмка за рюмкой вливалась в отверстие в ватной бороде почти насильно. Усилия Снегурочки, то бишь Офелии, оградить мужа от излишних возлияний были тщетны, тем более что Борис вошел во вкус. Дойдя до кондиции, он лез целовать и обнимать щедрых искусителей, клялся в любви и вечной дружбе. Бедная Снегурочка, крича и краснея от стыда и натуги, доставляла его домой под душ. С горячей водой была вечная напряженка: из крана хлестала такая холодная вода, что Дед Мороз-Борис волей-неволей приходил в сознание. Вечером в театре супруги играли уже другие роли: он – Отелло, она соответственно – Дездемоне. Полупьяный Отелло, путая слова, икая и дыша перегаром в лицо Дездемоны, так рьяно изображал ревнивого мавра, что потом за кулисами ее приводили в чувство с помощью нашатыря. И уже поздно ночью, накормив, уложив и обстирав всех домочадцев, Федосья-Офелия-Дездемона замертво падала в постель, успевая отключиться еще до соприкосновения с подушкой. Офелия устала. Она чувствовала себя ломовой лошадкой. Самой заветной ее мечтой было выспаться. На сцену она выходила на полусогнутых и поскорей спешила прилечь на ложе. Томно потягивалась, натурально зевала и закрывала глаза, отчего режиссер спешно выталкивал на сцену

Отелло, дабы не дать ей забыться праведным сном предельно уставшего, замордованного творческой жизнью человека.

Но все когда-то кончается. Закончилась и пора елок. С последней такой елки Снегурочка, выдрав своего благоверного из дружеских объятий собутыльников, с помощью доброжелателей уволок Мороза-Бориса прямо за воротник дедоморозовской шубы. Оскорбленный в лучших чувствах, Мороз пытался обороняться посохом и мешком с оставшимися подарками, но в схватке с превосходящими силами потерпел поражение. В салон такси, куда его водворили, следом влетели ватная борода, парик и мешок, потерянные в ходе сражения.

Кроткий Борис, плененный алкоголем, оказался не таким уж кротким. К концу двухнедельного новогоднего цикла он слабо ориентировался в пространстве и времени, не узнавал собственной жены и детей. В тот вечер супруги Кроткие сильно опаздывали в театр. Офелии пришлось немало потрудиться, чтобы поставить супруга на ноги. Совершенно измученная, проклиная свою судьбу, мизерную зарплату и новогодний контракт, она вышла на сцену, обвела невидящим взглядом зрителей, кулисы и, наткнувшись глазами на знакомое ложе, подошла к нему и, тяжело вздохнув, прилегла, раскинув в изнеможении руки, закрыла глаза. Зал притих. Зал ждал. Из-за кулис нетвердой походкой вышел Отелло. Он бестолково послонялся по сцене, сшибая реквизит, затем попытался скрыться за кулисами, но режиссер развернул его и пинком выпроводил обратно к месту действия. По инерции Отелло пробежал несколько шагов и рухнул на ложе рядом с Дездемоной. Дездемона даже ухом не повела. Она как легла, так и лежала, тихонько похрапывая. Зрители с затаенным дыханием следили, как развертываются события в новой интерпретации пьесы великого драматурга Уильяма Шекспира. На сцене появился Яго. Схватил Отелло за грудки, стал трясти его и махать перед его носом платком Дездемоны, как тореадор красной тряпкой перед быком. После некоторых усилий Отелло наконец рассвирепел и схватил Яго за глотку. Зал одобрительно загудел, зрителям понравилось это «ноу хау». Наконец-то эта ехидна получила по заслугам! А Яго, отбиваясь от озверевшего мавра, хрипел: «Не меня, дурак, Дездемоне души, Дездемоне!» Но Отелло не отпустил трепещущего в его огром-

>>> ных руках горла. В нем проснулся древний азарт охотника. И Яго, теряя сознание, из последних сил заверещал: «Караул!» Тут на сцену выбежала массовка, выдрала Яго из смертельных объятий мавра и утащила его за кулисы. Зал неистовствовал. Зрители улюлюкали, свистели, топали ногами, кричали: «Так его! Молоток негра! Будет подлюга знать, как людям гадости делать!» Очень переживали за Дездемону. А Отелло, лишившись прежней жертвы, вдруг потянул черные руки к горлу Дездемоны. Зал опять замер. Но тут в отравленном алкоголем мозгу Отелло стали появляться проблески сознания. Он сообразил, что находится в театре, что перед ним на ложе его супруга и по жизни, и по пьесе. И даже слегка вспомнил текст пьесы. Он наклонился над женой, посмотрел в ее усталое, с синими тенями вокруг глаз лицо и неуверенно спросил: «Молилась ли ты?», и запнулся, лихорадочно вспоминая имя женщины, лежащей перед ним. Потом, вспомнив что-то, повторил: «Молилась ли ты на ночь... Офелия?» Ответом ему был вымученный храп. В зале хихикнули. Но этот храп на Отелло-Бориса произвел непредсказуемое действие. Он побледнел, грохнулся на колени и стал иступленно биться головой об пол, перемежая удары лбом с горестными восклицаниями: «Убийца! Я убийца!» В его воспаленном мозгу вдруг отчетливо вспыхнуло ощущение того, как он яростно сжимает горло жертвы. «Допился, задушил-таки!» – в отчаянье решил он. И, обхватив голову руками, истерично прокричал: «Мавр сделал свое дело!» Борис бросился на неподвижное тело жены и громко, безутешно зарыдал, размазывая по лицу слезы, черный грим и ярко-красную помаду. Эта сцена искреннего безмерного горя потрясла зрителей. Зал взорвался аплодисментами. На сцену полетели охапки цветов. Занавес опустился. Такого успеха этот театр не знал никогда.

Что делалось за занавесом, зрители уже не увидели. А на сцену вышли санитары, подхватили под ручки мавра и усадили в карету скорой помощи. Мавр не сопротивлялся. Тяжесть содеянного убила в нем всякую волю. Туда же поместили и Яго. «Скорая помощь», завывая гудком, понеслась к желтому дому, распугивая по пути окрестных котов и редких ночных прохожих, ибо эти двое нуждались в срочном лечении: первый – от белой горячки, второй – от нервного потрясения. И только Федосья-Офелия-Дездемона, благополучно проспавшая весь акт и проснувшаяся от громогласных аплодисментов, в полном неведении, счастливая, отдохнувшая, сидела на постели, сплошь усыпанной цветами, и не понимала: то ли она уже в раю, то ли это ей снится?

Сто сорок три

Во имя Бога и Пророка.
Иван Бунин

Однажды поэт Евгений Евтушенко в одном из своих многочисленных интервью произнес: «Из стихов Бунина мне нравится только "И вечер, и дождик, и мгла..." Как прозаик он, конечно, намного сильнее».

Услышав сей перл, я, прямо по Георгию Вайнеру, вдруг впервые в жизни подумал, что Евтушенко, может, не такой умный.

Примерно двадцать лет раскаленным гвоздём сидит в моей памяти эта фраза, насчёт – не будем шаркать на паркете, а назовём вещи своими именами – бездарности Бунина как поэта.

Может, в ней есть доля истины? – иначе я бы не хранил фразу в памяти столько лет. И самое ужасное – мнения, когда-то высказанного Евтушенко, придерживаются очень многие, точнее, все... кроме меня.

Вот так мы, человечество, и прожили на Земле ровно 120 лет (первое стихотворение Бунин написал в 1889 году) – со стыдливым, молчаливым и при этом стопроцентно взятым с потолка мнением, что Бунин был плохой поэт.

Это видно даже по литературоведческим исследованиям творческого наследия Бунина – о его прозе написаны тома, а о поэзии я что-то ни одного труда не припомню, а ну-ка наберём в Яндексе «поэзия Бунина», тэ-с, «нашлось 358 тыс. страниц», но всё это либо «поэзия в «Тёмных аллеях», либо просто сами стихи, либо беспомощный лепет на уровне школьного сочинения «Поэзия Бунина очень своеобразна, стилистически сдержанна, чеканна, гармонична. Поэт чужд поискам нового. Его поэзия традиционна, он последователь русской классики. Бунин — тонкий лирик, прекрасный знаток русского языка. Его стихи своеобразны. Это скорее рифмованная, определенным образом организованная проза, чем стихи в их классическом виде. Но именно своей новизной и свежестью привлекают они читателей...» Уф! И так далее. (Хм, насчёт «это скорее рифмованная, определенным образом организованная проза» перл совершенно неопишувемый.)

Ещё школьником я чётко усвоил: писать сочинение о поэзии невероятно сложно и никогда о поэзии сочинения не писал. Не буду и сейчас. Всё, что мне по силам сейчас, когда я взялся рассмотреть поэзию Бунина, это заявить:

Бунин был изумительный поэт, а почему, не знаю, не могу сформулировать, как та собачка, которая всё понимает, но сказать не может.

Жаль, что он написал так мало стихов. Вот передо мной лежит первый том его четырёхтомника 88-го года, открывается он, разумеется, стихами (составители словно торопились побыстрее избавиться от тягостной необходимости вставлять в том «плохие стихи»), последнее из которых, «Ледяная ночь, мистраль», написанное 82-летним, получается, старцем в 1952-м году, значит на 164-й странице. Из какового числа следует вычсть титульную страницу, страницу копирайта, 15 страниц автобиографической заметки и пояснений «Как я пишу», страницу с надписью «Стихотворения» и пустую страницу на её обороте.

Остаётся сто сорок три страницы.

Вот всё, что сделал в поэзии Бунин за 83 года жизни.

В связи с чем возникает очень интересный вопрос: а почему же Бунин, вне всяких сомнений, прекрасно осознавая непопулярность своих стихов даже в среде преданных поклонников и поклонниц, при этом уже будучи овеян глобальной славой блистательного прозаика, возвращался к стихотворчеству снова и снова?

Что тут скажешь? Можно только предположить с большой долей вероятности: он, родившийся в один год с Лениным, умерший в один год со Сталиным, всю свою жизнь служил живым противовесом вакханалии мирового быдла, и простенькое «кричат орлы, пустынный ветер веет» каким-то непонятным, мистическим образом усиливало этот противовес.

Ибо любой поэт – посланник Господа, и долг поэта – не увливать от возложенной на него Божественной миссии.

Бунин не увливал. Он писал и писал стихи «во имя Бога и Пророка», слоган этот, вообще-то, мусульманский, но ведь у христиан тоже был свой Пророк, его звали Иисус Христос.

Вот так. Бунин упрямо писал и писал стихи, даже когда у него не вполне получалось – к сожалению, это факт, от которого не отвернёшься, – читая некоторые его стихи, просто физически, до зубной боли, ощущаешь муку немоты, скручивавшую его горло, но он писал и писал, и его надрывный труд снова и снова вознаграждался Господом, когда вдруг, явно на одном дыхании, явно за считанные минуты ложилось на бумагу необыкновенное, ради чего стоило жить и страдать:

*В полях, далёко от усадьбы,
Зимует просяной омет.
Там табунятся волчьи свадьбы,
Там ключья шерсти и помёт...*

*Кто был он, этот полуночный
Незримый гость, откуда он
Ко мне приходит в час урочный
Через сугробы под балкон?*

*Иль он узнал, что я тоскую,
Что я один, что в дом ко мне
Лишь снег да небо в ночь немую
Глядят из сада при луне?*

Как просто! Обычные, вообще-то, слова. Но почему-то заходится сердце и перехватывает дыхание, как в дайвинге, когда выплываешь с мелководья и оказываешься над вселенской бездной.

И так то и дело: листаешь-листаешь эти сто сорок три страницы, и, словно вспыхивающие бриллианты, снова и снова является тебе Божественное:

*Теперь легко, прохладно. Выступают
Туманные созвездья в полутьме.
Волна качает, рыбы засыпают...
И вверх лицом ложусь я на корме.*

Или:

*Вот крикнул сын в пустынном буераке.
Вот тёмный лист свалился, чуть шурша...
Ночь близится: уж реет в полумраке
Её немая скорбная душа.*

Цитировать поэтические шедевры Бунина можно очень долго – это ведь только кажется, что удачи в поэзии у него были редкостью, а когда начинаешь читать не как Евтушенко, а всерьёз, по-настоящему, страницу за страницей, очень быстро с удивлением обнаруживаешь, что, вопреки первоначальному ощущению, поэтических удач у Бунина было гораздо больше, чем стихов... ммм... не бездарных, ни в коем случае, а... будем говорить... текущих... так... с трудом, с явным усилием написанных, тоже по-своему интересных, но не идущих ни в какое сравнение с тем, что было написано в минуты озарения.

А ведь это вполне обычное явление в творчестве любого поэта: что-то получается средне, что-то – гениально.

Так откуда всемирная уверенность, что Бунин был плохой поэт, кто бы мне объяснил, прости, Господи? Хоть бы уж почитали сначала – неужели так трудно? Ведь я же почитал!

СЕМИНАР ПО МЕНЕДЖМЕНТУ

Рассказ

Сергей МОЗГОВОЙ,
г. Арсеньев,
Приморский край

Покончив с дневной суетой, уютно устроившись в кресле, я с удовольствием предался прочтению очередного рассказа Антологии ужасов – сборника избранных произведений жанра «хоррор». В рассказе Марка Сэмюэlsa излагалось происшествие с мелким служащим офиса. Обязанный по указанию начальства посещать семинар по управлению поведением, персонаж быстро схватывает суть происходящего. Семинар оказывается зловещей затеей неких существ по зомбированию личности. Герой моего рассказа отказывается посещать мероприятие, наблюдает чудовищные психологические и физиологические трансформации подвергшихся воздействию непостижимых методик сослуживцев и, в финале, гибнет.

Довольно забавный и милый сюжет, настолько забавный и милый, насколько таковым может быть умело сделанный рассказ-«ужастик». Не угнетающий психику, а придающий живость мироощущению, восприятию окружающей действительности как уютного уголка бытия, где нет места подлым кошмарам.

Безусловно, ужасам нет места в этой реальности. Это понятно ...до той поры, пока ужасы не приходят в реальность. Что, в общем, происходит не часто. Много чаще мы видим не более чем легкий налет, не ужаса – просто того, что нам не нравится. Ужас не охватывает, не обступает нас, а остается за гранью восприятия. Человек не только не может понять, что это страшно, но он не способен воспринять, что это плохо. Плохо, когда личность подавляется и лишается возможности отличать хорошее от плохого, полезное от вредного, осмысленное от бессмысленного.

Сколько раз нам приходится делать подобное, непонятное, нужное не нам, а тем, кто довлеет над нами.

Тогда, несколько лет тому назад, меня, вместе с другими сослуживцами, обязали посещать семинар по «менеджменту количества» – новой, «продвинутой» методике управления. Семинар проводился три дня – с пятницы по понедельник, «съедаая», ко всеобщей досаде, наши заслуженные выходные. Из головного учреждения, что в областном центре, для обучения новомодному менеджменту нас почтила своим вниманием несколько вальяжная, обремененная квалификацией дама-преподаватель.

В положенное время все, досадуя по поводу потерянных выходных, собрались в холле учреждения, служащем также лекционной аудиторией, актовым залом и переходом между аудиториями. Я делил парту со своей давней знакомой, брюзгливой и обрюзгшей (вот ведь как написал! – в первом варианте рукописи было: «толстенькой»). С началом занятия преподавательствующая дама снабдила всех брошюрами – методическими пособиями по предмету и, ко всеобщему разочарованию, принялась их читать с кафедры-трибуны. Универсальное многофункциональное помещение приобрело вдруг еще одно предназначение. Холл – лекционная аудитория – актовй зал – переход стал еще и подобием избы-читальни со своим избарем («избаркой»).

«Избарка», похоже, сразу наплевала на слушателей. Занятая перечитыванием текста, лежащего перед нами, она

предоставила подопечных самим себе. Все занялись саморазвлечениями. В самом деле, было бы глупо, внимая «избарке», водить пальцем по тексту, подобно первоклассникам либо слушателям ликбеза. Моя соседка аккуратно проглотила кондитерское изделие, заела его таблеткой, возможно, для похудения (или для лучшего сварения желудка – откуда мне знать) и предложила мне сыграть в развлекательную игру. Чем мы без промедления занялись, тихо ворча по поводу глупой траты времени. Так прошел день, принесенный в жертву новым веяниям в менеджменте, наподобие агнца в языческом ритуале.

На следующий день мы вновь заняли свои места. Вопреки ожиданиям, в работу было привнесено оживление. «Избарка» неожиданно превратилась в массовичку-затейницу. Нам было предложено несколько ролевых игр, деловых тренингов и довольно другой всячины. Сослуживцев вмиг захватила динамика действия. Они стали суетиться, спорить, немного напоминая детей на игровой площадке. Серая масса расцвела эмоциями. Дело пошло на лад. Моя соседка увлеклась игрой, стала командовать, покрикивать на окружающих, выявила в себе лидерские качества. «Менеджмент количества» оказался интересным предметом. По домам расходились в эмоциональном позитиве.

На третий день работа приобрела иное качество. Мы приступили к обучению работе с деловой документацией по нашему любимому предмету. Открылся целый мир, вселенная «менеджмента количества». Вселенная маршрутных карт, блок-схем, уравнений, графиков и многого прочего. Мы погрузились в наш новый мир и почти захлебнулись знаниями, как плохие пловцы водой. Наш мудрый наставник то окунал нас в стихию, то помогал одолеть силу волн знаний, подобно умелому тренеру. В тот день мы ощутили себя учениками, борющимися со стихией нового, неизведанного, боясь быть раздавленными мощью волн, пойти ко дну, сгинуть без пользы. Мы барахтались изо всех сил, стремясь выплыть, толкая и топя при этом других. Развернулась конкуренция. Один выплывал за счет других, быстрее решая задачи и повышая свой учебный рейтинг. Сильнейший давил слабых. Моя соседка превратилась в сущую фурию, стремясь выбиться в лидеры. «Менеджмент количества» взял свое.

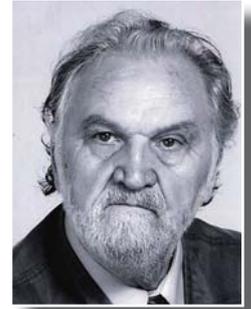
Обучаясь, мы прошли путь от сторонних слушателей, просто убивающих время, к агентам общего дела, сначала сотрудничающих, а затем соперничающих друг с другом в деле, ставшем и общим, и личным. Сослуживцы были в восторге. Я был огорчен. Знание «менеджмента количества» вышло не таким, каким мне хотелось. Я не хотел видеть сослуживцев ни переживающих за меня в начале, ни отторгающих меня затем. Мне просто хотелось с ними работать так, как того требовало дело, а не «бизнес». Они не должны были быть коллективом – «трансформером». Сегодня – стадом баранов и овец, завтра – стаей волков. Как хотели те, диктующие правила игры, манипулирующие людьми, травящими и стравливающими их.

Но как сильно они в этом преуспели!

Хлестнут ветра...

Александр ЕГОРОВ,
г. Владивосток

Про сорок сороков

1.
Пока последний гвоздь не вбит
(какой? – надеюсь, ясно),
Запечатлеть хочу наш быт,
Поскольку он прекрасный.
Пока тверда моя рука,
Не огрубела кожа,
Лети из-под пера, строка,
Труды и жизнь итожа.
2.
Про сорок грязных сороков
(не сорок бочек арестантов!),
Боясь немыслимых сроков,
Я повторять не перестану,
Поскольку наша жизнь – кино,
А мы – безвольные мультяшки!
Пьём самопальное вино
И друг на дружке рвём тельняшки.
3.
Сквозь сорок сороков
Крушений и тревог
Грядёт известный срок
Правдивых, честных строк.
Кто истину вязал,
Плёл сети из речей,
Не пустят в светлый зал
Вралей и стукачей.
4.
Чем лучезарней высь,
Зигзаг пути былого –
Тем выпреннее мысль,
Витиеватей слово,
Которое дано
Нам, как кирза, на вырост,
Где котлован давно
Под зданье счастья вырос.
5.
Являет старость
свой потёртый лик,
Отнюдь не мудрый,
а скорей, лукавый,
Готовый и принять за воротник,
И потрудиться, как легавый.
Любую истину подмять

Своим пудовым сапожищем,
Не только родину продать,
Отца и мать, тебя, дружнице.

6.
В самозабвенье тешим беса,
Довольны праздною игрой,
Вращая жернова прогресса,
Лишь укрепляем новый строй.
Весной картошку семенную,
Едим крапиву и ботву,
Вращаем честно ось земную,
Плодим залётную братву.

7.
Вот-вот ослепнут окна стылые,
Хлестнут ветра во все концы,
Попрут по улицам унылые
Незрячей совести гонцы.
Собьются в стаи злые бестии,
Заполняют все вечера.
Вновь станут ложью те известия,
Что были правдою вчера.

Нанавация/собчазация

Губки бантиком,
Чубчик домиком,
Коноплю курю
С юным гомиком.
Так к культуре мы
Приобщаемся,
Напрямую с ним
Сообщаемся.
На ушах лапша –
Нанавация,
А вокруг пошла
Собчазация.

Позвякивая спицей,
Чугунным колуном,
Довольствуется вицей,
Разбавленным вином.
Привык ходить в опорках,
К хребту прирос живот,
На солнечных задворках
Родной страны живёт.

Питается нектаром
Простуженных полей,
Живёт идеей старой
И тот же пьёт елей.
Судьбу не выбирая
И не прося в кредит,
Ждёт пред воротами рая
Архангела вердикт.

Дуптих

1.
Потеряли мы ловкого друга,
Что сорвал не единожды куш.
Надвигается изморозь с юга,
Дышит снегом
стальной Гиндукуш.

А мы пялимся стенка на стенку,
Так мы греемся в сильный мороз.
Надвигается Стенька на Стеньку,
Не боясь полицейских угроз.
2.
Всю Россию хотят осособчить,
Развести, оглупить, разложить,
Под содомское действо собчачки
Бескорыстно сапрану служить.

И случаться с нахрапистой мразью
На погостах и на площадях,
Совмещающая духовное с грязью,
Стариков и детей не щадя.

Дуптих

1.
Если долго вдыхать
степную полынь,
Оставаться в глуши
вне речи и песен –
Опрокидывается по утрам
небесная синь,
К вечеру на душу
надвигается плесень.
2.
Фотограф, –
Ловя мгновение жизни, искомой
Точки, выбора ракурса, плана, –
Со стороны кажется насекомым,
А вовсе не великаном.

Зеркальце моё

СМЕШНОЕ...

Василина ОРЛОВА,
г. Москва

Хоть в этом взгляде ненароком
Я увидела небо детства,
Ты оказался неглубоким,
Как в марте лужа у подъезда.
По луже парус плыл бумажный,
Из пенопласта бригантина,
А может, шхуна. А, неважно,
И так знакомая картина.
И всё в той луже отражалось,
Тонуло... В обречённом взгляде.
Ты уходил, какая жалость,
С самим собою не поладив.
Да, ты, увы, не остановлен.
Сейчас сказать вполне уместно,
Что ты казался мне бездонным,
Как небо над моим подъездом.

Нет, не сразу, не сразу.
Сначала заварится чай,
И немного остынет,
В себе часть окна растворяя.
А потом отхлебни –
Синий взгляд упадёт невзначай
На невзрачный листок,
Что от чтения оберегаем.

Время меркнет. Смелее,
Открой и смотри, что внутри.
Мой неведомый друг,
Что увидишь – тебе адресую...
Это медлит рукав,
Зацепившись за ручку двери.
Это дрогнуло небо,
Что в чашке разрывы рисует.

Я родилась в селе Дунай.
Сейчас там, говорят,
Такой развал, такой раздрой,
Разлом, исход, распад.
Точнее, это гарнизон
Военный был тогда.
И бороздили горизонт
Линкоры и суда.
Закат окрашивал Дунай,

Когда в Москве рассвет.
Дальневосточный
Грозный край.
Дуная больше нет.
Никто не смог, никто не спас.
Разрушенный причал.
Державы ядерный запас,
Начало всех начал.
Босое детство там моё.
Огонь на маяке.
Вода железом отдаёт.
И влага на щеке.
Подводный ядерный форпост.
На дальних рубежах.
Подводный лодочный погост,
И лодочки лежат...
В осколках, в ржавчине, в золе
Мой Китеж-град немой.
Он предан был своей земле.
Точней – своей землёй.

Господи, говорю,
Дай, говорю, мне силы.
Всё, на что я смотрю –
Величественно красиво.
Господи, это я.
Слабая и живая.
Это моя земля.
Вертится, не ржавея.
Свод голубой померк.
Наши следы померкнули,
Словно следы водомеров
И водомеров.

Дедов дом

Тот поистине светел
и счастлив дом,
Где каракули детские на листах,
И стихи о любви, и о том, о сём,
На столе, под столом
и в иных местах.
И крыльцо, у которого веник, жёлт,
И пяток паучков на печи, и кот...
Дом, из коего ты поутру ушёл
И вернулся вечером, через год.
Гладиолусы розовые в банке там,
В трёхлитровой, пузатой,

Калины гроздь.
Всё завяло, пока
ты по городам...
Уходил – хозяин, вернулся – гость.
Дом впадает в спячку
каждой зимой,
Когда гомон ребячий стихает тут.
Засыпает, но знает печной золой,
Знает каждой половицей:
Они придут.

Всё то, что было мне
несвойственно,
Я так, поверишь, и забуду.
И накануне новой осени
Я научусь скрести посуду.

И вышивать, конечно, стану я
Крестом болгарским потихоньку.
Ведь не античная же статуя –
Обыкновенная девчонка.

Девчонка – это значит, ясельки,
И далее, вплоть до детсада.

А если было что неясно мне,
То и не надо.

Бедное моё монисто,
Что бренчишь, само не знаешь.
Книг старинных романистов –
Их и не перечитаешь.

Частая моя гребёнка,
Скверная моя гитара.
Всякий, кто бывал ребёнком,
Будет, стало быть, и старым.

А манжеты из батиста
Станут рвань, тоска и ветошь.
Всех волос его волнистых
Ты подавно не расчешешь.

Зеркальце моё смешное,
Тонкая моя рубашка.
Не уверена: грешно ли
Часто становиться старше?

ЭТОТ ВЕЧЕР ПРОЙДЕТ...

Вера ГУНДАРОВА,
г. Артём

Мы всю жизнь себя играем
Неизвестно для кого
И в итоге умираем,
Несмотря на мастерство.

Только хочется – до дрожи,
До озноба и до слез
Умереть как можно позже,
Даже лучше – не всерьез.

Но, согласно режиссуре,
Проведенной наугад,
Умираем мы в натуре
Без надежды на возврат.

Хорошо б успеть проститься,
Всех простить, кто сердцу мил,
А потом уже присниться
Тем, кто раньше нас любил.

Приземлите меня.
Я устала летать в поднебесье,
Звездным светом питаться
и в солнечном море тонуть,
Навсегда забывая устойчивость
каменных лестниц,
Что куда-то ведут,
никуда не давая свернуть.

Я без точки отсчета теряюсь
в открытом пространстве,
То ли к цели лечу,
то ли ветром уносит меня.
Или крылья сложить, приближая
конец своих странствий,
Невесомость души
притяженьем земли уравнивая?

Мне когда-то казалось,
что сами судьбу выбираем.
Отчего же хочу,
чтоб окончился этот полет,
Даже если земля
с высоты только кажется раем,
Даже если никто на земле
меня больше не ждет?

Режу крыльями ветер,
а хочется твердой опоры,
Чтобы твердь под ногами,
а небо – рукой не достать.
Мне совсем не нужны
бесконечные эти просторы.
Приземлите меня,
я устала по небу летать.

БУХТА ПОДОСЁНОВА

Геннадью Фокину

Солнце плещется в бухте,
как рыжий сазан,
Так, что весело сердцу
и больно глазам,
И бакланы, на камни присевшие,
Сушат крылья свои отсыревшие.

В ряд построились тучи
над дальним мыском.
По колючим камням я иду босиком,
И смыкает волну беспечною
Наносное, пустое, не вечное.

В этом мире важнее,
чем «я» и «мое»,
Это солнце, что снова
над морем встает,
И хорошие люди встречаются,
И стихи у кого-то случаются.

А потом мне приснится
знакомый причал
И радушный хозяин,
что нас привечал,
И луна на волне закачается...
Ах, как жалко, что сказка
кончается!

Под окном березу зазнобило,
Ветер мчится – грудью на зарю.
Не могу сказать, что разлюбила,
Но и о любви не говорю.

Может быть, и вправду
время лечит,
Тучи унося за перевал,
Или в сердце копятся для встречи
Самые заветные слова.
То ли я сама себе не верю,
То ли за неверие корю.
Отчего же первого апреля
Заскучала вдруг по январю?

Растерялась посреди распутиц,
Заблудилась в собственных словах,
Перестала ждать,
когда распустит
Волосы зеленая трава.

Не спешу, хотя весна торопит,
Побывать на море и в лесу.
Но смотрите! Из-за речки, с сопки
Мальчики подснежники несут!

Оплавает свеча,
догорают поленья в камине,
Озорница-луна
засыпает асфальт серебром.
Этот вечер пройдет,
и зола на решетке остынет.
Отогревшись, душа на добро
отзовется добром.

Нас зима разведет,
и уже не восполнить потери.
Затухающим эхом
последний аккорд прозвучит.
Ты меня не забудешь –
я в это готова поверить,
Чтоб в минуту печали
припомнить мерцанье свечи.

Напишу я стихи о тебе,
бесконечно далеко,
Улыбнусь и не стану
копаться в остывшей золе.
И замрет полувздох,
обозначенный только намеком.
Полусвет, полутень,
чашка кофе на низком столе...

СВЕТЛО И ЧИСТО

(о поэте Сергее Иоффе)

Григорий РЕЙНГОЛЬД,
г. Иркутск

С Сергеем Иоффе я познакомился в 1978 году и сразу же подружился. Нет, я не был знаком с ним лично, не разговаривал с ним, не жал его руку, не сидел с ним за столом. Но разве это так уж важно? Я хорошо знал его как писателя, а он, судя по его стихам, не хуже знал меня как читателя, иначе бы не писал так, как писал.

В 1978 году, в сентябре, в Доме культуры иркутского Академгородка прошла встреча иркутских писателей с читательской публикой. Аншлага, правда, не было, но и свободных мест было немного, в то время у наших писателей было достаточно читателей и почитателей. Книги их выходили тиражами в десятки тысяч, а то и сотни тысяч, и долго на прилавках не залёживались... Писателей на встречу приехало десятка полтора-два. Тепло принимаемые, они по очереди выходили к трибуне, читали стихи и отрывки из прозы.

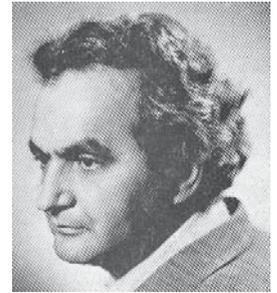
Вот ведущий объявил поэта Сергея Иоффе. Вышел мужчина средних лет в сером костюме с заметной сединой в густой шевелюре и начал как-то уж слишком просто читать свои стихи, будто он что-то рассказывал нам. Но бесхитростный этот рассказ сразу заставил замолчать шушукавшихся слушателей, какие всегда попадают в любой аудитории. Знаете, встретились двое знакомых и начали обмениваться новостями, ну и что с того, что кто-то говорит с трибуны... Но тут все были захвачены простыми, незамысловатыми строками:

*В тепляке, в воскресный день,
среди тайги и непогоды
собрались, кому не лень,
да травили анекдоты.
Врали – кто во что горазд!
Но не в тон, светло и чисто,
Прозвучал тогда рассказ
одного бульдозериста...*

Про всесоюзную ударную комсомольскую стройку БАМ в те годы писалось много, в том числе и стихов. «Отметились» на этой теме многие знаменитые поэты. Впрочем, как правило, это было нечто обязательное, идеологически выдержанное, порой с долей вольнодумства. Но чтобы о БАМе писать вот так! Обычно длинные стихотворения плохо воспринимаются слушателями, но только не эти. Потом он читал другие стихи, и немало. Вроде и писателей приехало много, но каждый читал помногу, а зрители хорошо слушали. В завершение своего выступления Сергей Иоффе про-

чёл стихи, посвящённые отцу, про то, как спустя много лет после его смерти он смотрит документальную киноленту, где отец ещё жив. Наверное, не только у меня одного пробежали мурашки по коже от строк:

*Повтори тот светлый год!
Нет счастливей дня:
батя улицей идёт,
смотрит на меня...*

Сергей ИОФФЕ

Вот так мы и познакомились. Впрочем, встреча эта оказалась единственной. Я начал искать его книги, и скоро у меня их было немало. Каждая книжка была для меня как праздник, многие стихотворения сразу же запоминались наизусть. Он не писал стихи просто так, без повода. В каждом он говорил о чём-то очень важном, для себя и для меня. Всегда заставлял о чём-то задуматься, и всегда его стихи брали за сердце. И это несмотря на то, что писал Сергей Айзикович исключительно о простых, часто слишком простых вещах, о которых, казалось бы, и сказать нового уже нечего. О любви к отцу и матери. О духовной связи родителей с детьми. О родной стране и родном городе. О том, как хорошо в тайге. О мужской дружбе. О сложностях любви. О том, что быть просто хорошим человеком, – это немало... Он старательно избегал высоких слов, язык его стихов очень прост и лаконичен. Хотя многие стихи вовсе не коротки.

Сергей Иоффе любит рассказывать в своих стихах о случаях из жизни. Вот он, сотрудник «Советской молодёжи», возвращается под утро домой с работы, трамваи ещё не ходят, на мосту встречается с очень расстроенной девушкой, не может пройти мимо чужого горя. Он узнаёт, что она приехала издалека поступать в университет, провалилась на экзаменах, и теперь не знает, что делать дальше. Он пытается как-то помочь ей. Советует поехать в Ангарск, поступить на работу, пишет записку своему другу, чтоб тот помог ей устроиться, даёт деньги на дорогу. Сейчас это смотрится очень наивно и старомодно. Как так, просто взять и бескорыстно помочь красивой молодой девушке, когда можно воспользоваться её тяжёлым положением и смятением.

Впрочем, уже и тогда на таких людей многие смотрели как на «белых ворон», не хотели верить в их искрен-

ность. Многие, особенно те, кто был моложе, не принимали такую жизненную позицию. Впрочем, так ли уж плохо для поэта быть «белой вороной»?

*А вдруг у Наташи и нынче невзгоды?
Вдруг некому ей отвечать на вопрос:
«Ну, как тебе, девочка, все эти годы
любились, грустилось, мечталось, жилось?»*

Как складывалась его поэтическая жизнь? Неплохо. Выходили поэтические сборники, тиражом когда 5, когда 10 тысяч книг. И расходились довольно быстро. Несколько тысяч читателей – это кое-что! Кроме стихов, он писал этюды о поэтах, вышло три книжки, они достойны отдельного разговора, в конце жизни пошла проза... Да, всё складывалось неплохо. Но очень обидно, что все его книги выходили исключительно в Иркутске, в городе, ставшем ему родиной (родился Сергей Иоффе в Смоленске). А в других городах о нём не знали, так получилось, а это несправедливо.

Впрочем, я не могу претендовать на объективность своей оценки, трудно быть объективным к друзьям. А Сергей Иоффе – мой друг, очень близкий человек. Не беда, что мы не были лично знакомы, иногда это не помогает узнать человека. Это я понял после разговоров со многими людьми, жившими и работавшими рядом с ним. «Серёжа хороший парень, но ведь он холодный», – как-то услышал я от одного из них. По-

том он сказал, что, вообще, в 60-70 годы об Иркутске не было написано ни одной искренней поэтической строчки. Вот так.

А мне сразу припомнились стихи:

*Проникаю несуетным взглядом
в тот Иркутск, где не будет меня...
С нестареющей церковью рядом
пробегают трамваи звеня.*

или

*Когда этот шумный бульвар
был садом Парижской коммуны...*

Сам Иоффе очень строго оценивал себя, особенно в сравнении со своим отцом:

*Как много значил батин труд –
дороги, города...
А что стихи? Они текут
сквозь пальцы, как вода.*

*Кого хоть раз утешить смог,
от стужи уберечь?
И даже если хвалят слог, –
Не крыша он, не печь...*

Хочется ответить поэту: меня.

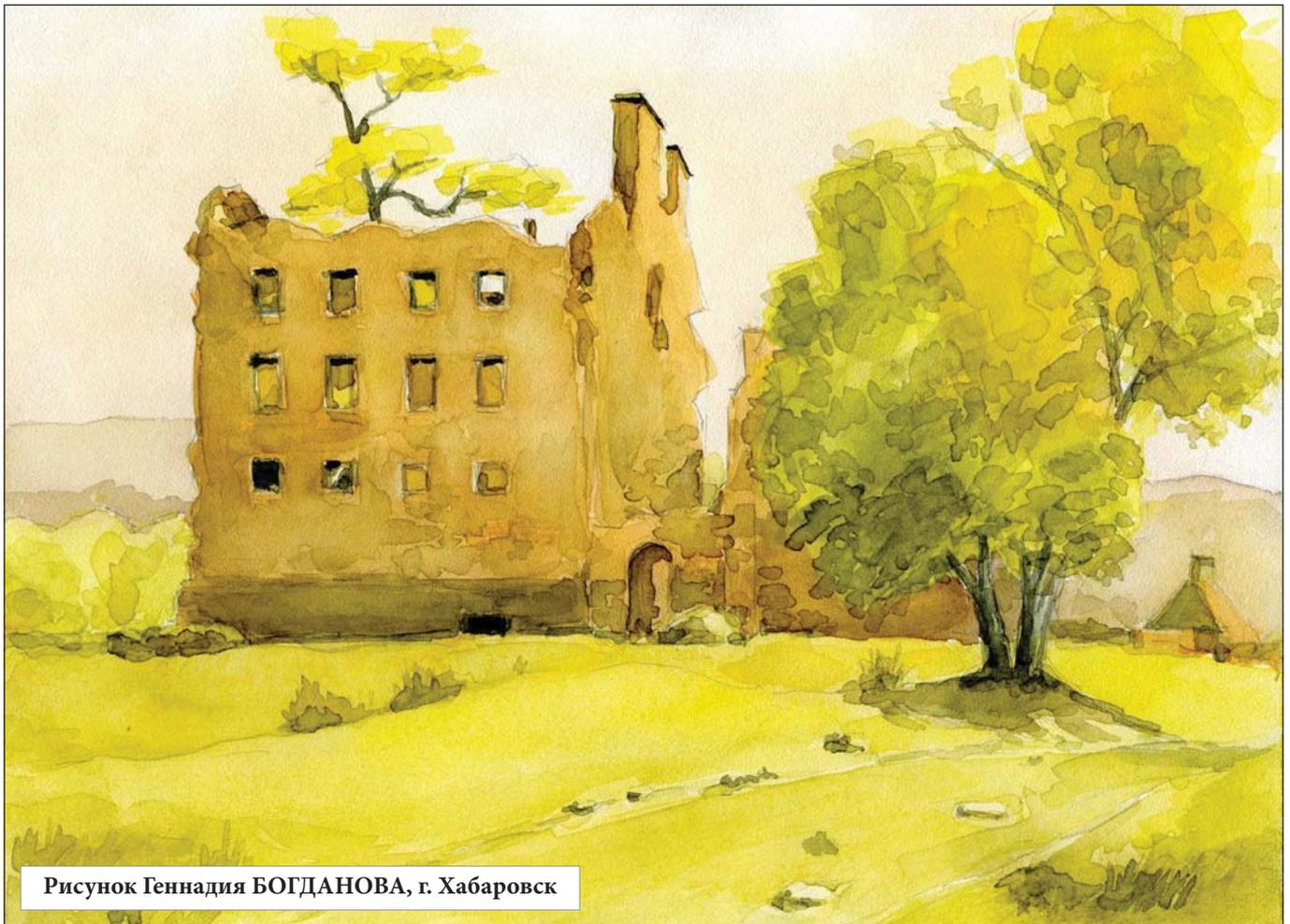

Рисунок Геннадия БОГДАНОВА, г. Хабаровск

Дурные

не храню воспоминанья...

Владимир Тыцких,
г. Владивосток

Слова забытого ромansa
Тревожат пламя у свечи.
Мечта, устав от долгих
странствий,
В душе смирившейся молчит.

Стихает жар желаний грешных,
Скромней и мысли, и дела.
Обидна всё-таки поспешность,
С которой молодость ушла.

Былого времени картины –
Как взмахи птичьего крыла.
Печаль мелодии старинной
Неповторима и светла.

Не так задумчиво и плавно –
Казалось, слышат небеса! –
Звучали здесь ещё недавно,
Быть может, наши голоса.

Семь тонких струн звенели звонче,
И песня их во много раз
Была уверенней, и громче,
И веселее, чем сейчас.

И тихо девочка сидела,
Готова слушать без конца,
И зачарованно глядела
На очень юного певца.

Весна в рожок играла скерцо,
А осень ударяла в медь.
И всё любви молило сердце,
Чтоб на костре её сгореть...

Четвёртое купе

Рельсы прогибались под вагоном,
Время лбом таранил тепловоз,
И пустой стакан
дрожащим звоном
Отвечал на перебор колёс.

Не спалось в дороге спозаранку,
А сосед мой взапуски храпел...
На безвестном тихом полустанке
Ты вошла в четвёртое купе.

Непослушных взглядов
вероломство,
Тёмных глаз горячие огни...
Милые вагонные знакомства,
Как непрочны в памяти они!

Девочка, попутчик твой
нечаянный,
Я с тобой гляжу в одно окно.
Я не знаю, чьей ты будешь
тайной –
Жаль, моею быть не суждено.

Счастьем или временной утехой
Станешь ты в неведомом краю...
Жаль, что я давным-давно проехал
Будущую станцию твою...

За окошком стынет даль ночная.
Нам с тобой недолго по пути,
И печаль, которой ты не знаешь,
Вслед за скорым поездом летит...

Не приобщённый к тайнам
мироздания,
Причастный только
к таинству любви,
Дурные не храню воспоминанья,
Но посещаю храмы на крови.

И с каждым днём
всё явственнее вижу
Среди людей, которым руку жал,
И тех, кто незаслуженно обижен,
И тех, кто без причины обижал.

Все были одинаково до срока
Достойными товарищеских уз.
Мне и сейчас меж них не одиноко,
Я и теперь судить их не берусь.

И потому, что сам премного
грешен,
Что, прав в одном,
в другом бывал не прав,
Но больше потому,
что так поспешно
Уходит жизнь, все мелочи поправ.

И перед этой правдой всеохватной
Иные правды меркнут, и уже
То, что казалось злом
невероятным,
Не вызывает паники в душе.

Мы на Земле совсем недолго жили!
И остаётся время, может быть,
Ещё успеть грехи простить чужие,
Своих не успевая замолить.

Ударюсь то в песню, то в пляску,
Но скоро пойму – не дано.
Придумаю грустную сказку –
Отчаянно выйдет смешно.

Себя успокою: как много
Мне жизнью отпущено дней!
И всё собираюсь в дорогу,
А кто-то шагает по ней.

Романс сентября

Прошумлю листвою желаний,
Скрипну ветками надежд.
Даль и время затуманят
Всё, о чём мечтал допрежь.

Летним клятвам и обетам
Пир прощальный закачу,
Запою осиплым ветром,
Красным клёном облечу.

И вольнее, и проворней
В голых ветках ветролёт...
Тихим утром старый дворник
Лист опавший подметёт.

И гореть ему, залётке,
И дымить в углу двора.
Длинный век или короткий –
Есть всему своя пора.

Мир и свет грядущей кроне,
Не узнающей меня.
Ничего не жалко, кроме
Ненавашегося дня...

Ну что нам грустить...

Софья ИОСИЛЕВИЧ,
г. Москва

Холст с абрисом души,
свет законный,
А там, где сердце,
на холсте провал.
Мне снится мой портрет
незавершенный.
За что меня художник наказал?

Жила без страха, ни молвы,
ни сглаза,
Не хоронясь, не прячась от огня.
Теперь я недосказанною фразой
Во тьме блуждаю среди бела дня.

Ищу по миру, где ему подобный,
Чтоб жизни не кончалось полотно.
Но кисти той, влюбленной
и подробной,
В пути два раза
встретить не дано.

Художник мой, откликнись,
как же можно!
Верни мне свет,
портрет мой допиши.
Но мне в ответ
все так же непреложно
Зияет чернотой провал души.

Мальчик, играющий на песке, –
Боль и отрада.
Жизнь мою крепко зажал в кулачке.
Мальчик, играющий на песке,
Ты мне – награда?

Под опрокинутой чашей небес,
Словно под сводами храма,
В жизни, в которой так мало чудес,
Как я могла обходиться без
Оклика: «Мама!»

Сколько напрасно утраченных
дней
В поисках сути,
Споров бессмысленных,
ложных идей.
Вот она – в каждой улыбке твоей,
В каждой минуте.

Мальчик и море. Красок искус.
Лучшая в мире картина.
Мой непомерный,
мой сладостный груз.
Вдруг никогда не узнала бы вкус
Имени сына.

Я эту формулу решала много лет.
Мне жизнь упрямо диктовала:
счастья нет,
И рок слепой пытался гнуть
в бараний рог,
Но я его не допустила на порог.

Пока не предали ни сердце, ни рука
И будет ветер гнать
по небу облака,
И петь гитары сына
звонкая струна,
На этом свете жизнь прекрасна
и полна.

И потому сегодня снова не засну –
Стихи встречаю я и новую весну...

**Катерине Канаки
и Марии Марковой**

Две девочки,
две младшие сестры...
(Родство всегда ли, только ли
по крови?)
Слезу, как проявляются миры
В глубинном и чистейшем
вашем слове.

Доверюсь стрелке компаса, ведет
Она туда, где светлы небосводы,
Связуя меж собой Эвксинский Понт
И северные медленные воды.

Одним из славных греческих имен
Наречена в стране Гиперборее,
Вам, посылая сестринский поклон,
Замру пред вашим словом я, немея.

За то, что Богом щедро вам дано,
За счастье быть сегодня
рядом с вами

Я буду пить эгейское вино
И запивать тягучими медами.

Июль

Смородиной пахнет,
и, кажется, лето
Мой дом не совсем обошло
стороной.

Варенье – по банкам,
чтоб, солнцем согрето,
Дарило нам радость
грядущей зимой.

(Люблю по-московски чаевничать:
долго,

Друзья за столом,
аромат пирогов.
Ну что нам грустить,
что за окнами волгло
И снег на асфальте
все лечь не готов.

Не станем, не станем
тоске поддаваться...
Напротив, мы, в пику календарю,
Умея грустить,
будем больше смеяться...)

Пожалуй, и вишни еще наварю.

Ворожба кленовых листьев
И рябин тревожный цвет.
Нет вернее этих истин
И надежней в жизни – нет.

Как бы лето ни кружило,
Ни блажило, ни лгало,
Осень высветит, что мило
И что на сердце легло.

Отрезвит прозрачный воздух,
Остудит горячность лба.
Ясность даст душе и роздых
Пестрых листьев ворожба.

И уже в разгаре лета
Знаю, мне вернут покой
Грусть осеннего букета,
Гроздь рябины огневой.

Загадки

Елена ШЕВИЧ,
г. Корсаков, Сахалин

Детская страничка

Стать другим совсем несложно,
Надеть лицо другое можно.
А надоест мне чей-то лик,
Сниму его обратно вмиг.
(маска)

Ты садишься за еду –
Я должна быть на виду.
Я помочь тебе хочу –
Аккуратности учу.
(салфетница)

Не ругают, не кричат,
Лишь тихонечко стучат.
Но взглянуть на них боюсь,
Если в школу тороплюсь.
(часы)

Зачем в июле снег?
Ведь это просто смех –
Он мне лицо щекочет,
А таять снег не хочет.
(тополиный пух)

Я открыл вам целый мир
Для учёбы и для игр.
То стреляешь, то летишь,
То в автомобиле мчишься.
Жаль, когда со мной играете,
Про уроки забываете.
(компьютер)

Читаю на карте названия разные:
Чёрное, Жёлтое, Белое, Красное...
А с виду – зелёное, серое, синее,
Когда ни взгляни –
оно очень красивое.
(море)

Увидев на коленке рану,
Её возьму я под охрану.
Закрою крепко и надёжно,
Но всё же будь поосторожней.
(лейкопластырь)

Он – первый городской цветочек,
Растёт везде, цветёт для всех,
Весной он – солнышка кусочек,
А летом – белый, словно снег.
(одуванчик)

Вот кружок сверкающий,
Солнце отражающий.
Песни, фильмы, словари –
Всё вмещается внутри.
(компакт-диск)

За стенкою стеклянную
Движеньё постоянное.
Как рыбкам спать захочется,
Так представленье кончится.
(аквариум)

Со мной быстрее птицы
По трассе байкер мчится.
Он скорость хочет укрощать –
Его я должен защищать.
(мотоциклетный шлем)

Коль помялось платье,
Вы его погладьте.
Но не гладьте утюжок –
Не то получите ...
(ожог)

Я в лужу камни запуская
И червяка в земле искал,
Не вытираю грязь о брюки,
Я дома с мылом мою ...
(руки)

Дождь холодный льёт и льёт,
Жёлтый лист, как самолёт,
Хочет приземлиться,
На руку садится.
Хоть мы и не просим,
Наступает ...
(осень)

Её нашла, гуляя на берегу морском.
Ей грустно, одиноко
и занесло песком.
Находка дорогая,
откуда ты взялась?
Покажешь мне созвездье,
в котором родилась?
(морская звезда)

Грустит железный великан:
– За что мне дали имя Кран?
Из крана капает вода,
А из меня-то – никогда!
(грузоподъёмный кран)

Одна лыжня в лесу была.
На лыжах я по ней прошла.
А эта – на дороге...
Под чьи, скажите, ноги?
(машинная колея)

Конкурс маленьких принцесс

Людмила БЕРЕСТОВА,
г. Лесозаводск

Детская страничка

Женские капризы

По утрам у нас зарядка –
Мы идём в спортивный зал.
Разделились по порядку,
Я за руку Лёну взял.

Вдруг сквозь шум и громкий топот
Я услышал Ленин шёпот:
– Я люблю тебя, Андрей.
Нам бы вырасти скорей.

Мы поженемся с тобой,
Будем вместе, мой герой.
Купим дом, диван и дачу
С телевизором в придачу.

– Что за женские капризы,
Мы ведь ходим в детский сад.
Я тебя и без сюрприза
Каждый день увидеть рад.

Мы и так всё время вместе.
Неудобно от ребят.
Чтоб дразнили «тили-тесто»,
Вон, смотри, уже глядят.

Лена всхлипнула тихонько:
– Эх ты, трус и дурачок.
Лучше я женюсь на папе.
Ты мне больше не дружок.

Шумный ребёнок

Я ребёнок умный,
Но бываю шумной.
Разговариваю громко,
Громко песни петь люблю,
Я животным подражаю,
Подражаю кораблю.

Дверью хлопаю в прихожей
Или топаю, как слон.
На слона я не похожа –
На меня походит слон.

Чтобы люди понимали,
Зря ребёнка не ругали,
Я плакат повесила:
«Громко – значит, весело!»

Страхи

Страшно в комнате. Темно.
Лишь неясно светится окно.
Хочется кого-нибудь позвать,
Но боюсь услышать:
«Марш в кровать!».

Зря я на ночь мультики смотрел.
Под конец я даже оробел.
Эти призраки как будто ожили
И взаправду в комнату вошли.

Вон стоит у шкафа и молчит.
Только глаз один-единственный
горит.

И за шторой тоже кто-то есть.
Ой! Боюсь, он хочет меня съесть.

Я зажмурил накрепко глаза.
«Успокойся», – сам себе сказал.
Дверь открылась.
Вспышка света, и сестра
Говорит, что уже утро, в сад пора.

Леди

– Вы как себя ведёте?
Как будто бы медведи.
Девчонки, прекратите,
Вы – будущие леди.

– А что такое леди? –
Спросили вдруг медведи,
Которые девчонки
И будущие леди.

– О! Леди – это очень
Воспитанные тётки.
Не злятся, не ругаются,
Вы их всегда поймёте.

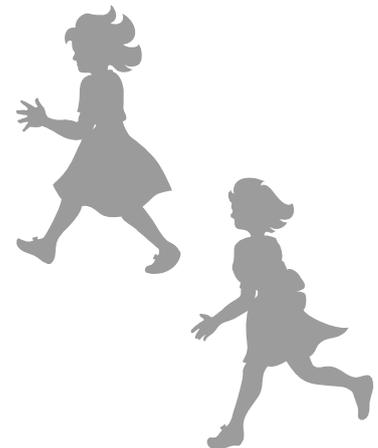
Ведут себя воспитанно,
Прилично и достойно.
А если им что говорят –
То слушают спокойно.

– Ой! Знаем, знаем, знаем,
Мы этих скучных леди.
Уж лучше мы останемся,
Как дикие медведи.

Конкурс

Конкурс маленьких принцесс.
Есть ещё принцессы. Есть!
Вот они стоят на сцене,
Чуть дрожат у них колени.
В зале строгое жюри,
В глазки светят фонари.
Дефиле, вопросы, танцы...
У кого какие шансы?
Кто сегодня победит,
Красотой жюри пленит?
А пока жюри решает,
Мыслью душу утешают:
– Моё платье лучше всех,
Видно, ждёт меня успех.
– Я была принцессой бала,
Я всех лучше танцевала.
– Ой! Не надо. Не хочу!
Я от страха закричу!
– Где ты, мамочка моя?
Неужели это я?
– Может быть, они не знают
И принцессу выбирают.
Ведь принцесса – это я,
Папа так зовёт меня.

Всё. Конец. Жюри встаёт,
Всем подарки раздаёт.
В завершение процесса
Объявляют главный приз
Той, что папа звал принцессой.
Вот такой судьбы каприз.

Волчья пасть

Анна ПЕТРОВА,
г. Калгари, Канада

/отрывок/

1. 1984 г.

Таня Спицына. Дневник.

Сейчас модно писать дневники. Пишут все кому не лень. Даже если и вовсе писать не умеют. И книги на основе дневников, и даже кино. Но чужие дневники читать неинтересно. Если только этот «чужой» не имеет к тебе какое-то отношение. То тогда интересно. Но не совсем прилично. Словно подглядываешь. Я бы никогда не стала читать дневники других.

У нас в классе все девочки ведут дневники. Интересно, что они там пишут?

Например, Оксанка. Она одновременно во всех мальчиков влюблена. Даже в косоногого Мишку. Хотя если бы он не был косым, то был бы очень даже ничего.

А Котов совсем с ума сошел. Он Ирке Бочаренко на день рождения «КлемА» подарил. Стащил у мамы и подарил Ирке. Мама потом в школу приходила и жаловалась на Ирку. Ее директриса вызывала и требовала вернуть духи. А Ирка плакала. А все девчонки сказали: «При чем тут Ирка? Виноват-то Котов». И получается, что его мама выставила его дураком, а не Ирку. Ирке просто обидно.

Мне Котов раньше нравился. А сейчас мне Костя Парфенов нравится. Он такой прикольный! И волосы у него красивые. Не то что у Котова – три волосины.

Вообще, это интересно – писать дневник. Пройдет лет десять. Я совсем другая стану. Открою дневник – и все вспомню.

У нас Шулепина первая дневник вести стала. Еще в 3 классе. Она от нас это скрывала. Но Морозова ее навестить пришла, когда та ногу на физре вывихнула. А на столе – дневник. Морозова его взяла, а Шулепина вырвала и говорит: «Доступ к личной информации запрещен! Свой заведи!» И рассказала про то, как дневник вести надо. С тех пор уже четыре года прошло.

А недавно Шулепина нас всех просто убила. «Помните, – говорит, – Леночку Долгову?»

Мы все просто замерли. У нас про Долгову с тех пор никто не говорит. Один раз Косой начал что-то, пару лет назад, а Парфенов ему: «Заткнись! А то на второй окосеешь!». А тут Шулепина: «Про Леночку помните? У нее бабушка умерла. Она теперь совсем одна осталась».

Все молчат. Глаза опустили. Мне-то что? Я в этом не участвовала. Я самый конец застала, когда в эту школу перешла. Они ее уже тогда совсем задолбали к тому времени.

Она приходила в школу. Садилась за парту и вставала, только когда уже надо было домой идти. Даже в туалет не ходила. Но все равно, когда Клавдия Михайловна из класса выходила, кто-нибудь ее обязательно обижал. Карандашом в лицо тыкали. За шиворот отчистки от карандашей сыпали. Из чернильных ручек в нее стреляли. Клавдия возвращалась, видела перепачканную Долгову и начинала махать руками: «Ну что, что, что с тобой делать? Я даже выйти не могу! Мне что, тебя с собой везде таскать, чтоб тебя не обижали? У меня сил больше нету! Я буду хлопотать, чтоб тебя за линию перевели! Там все такие!»

Костя ей: «Клавдия Михална! Чего вы на нее? Она же нормально учится. Может быть, вместо нее кого другого туда отправить?» А Клавдия за голову хваталась и орала: «Ты меня поучи!»

Тогда сразу несколько человек из школы ушли. Лена – за ли-

нию. Хромов – в 32 школу. Его сами родители перевели. Лобов – куда-то перевоспитываться. Клавдия Михайловна – в больницу. А доучивала нас завуч.

Вообще, в этой истории виноват был Лобов. Остальные просто еще глупые были. Сейчас они уже так не делали бы, наверно.

Но все равно, я не понимаю Шулепину. Зачем она про Долгову напомнила? Уже неделю все не в духе. А Парфенов с ней вообще не разговаривает...

Костя Парфенов. Письмо брату Никите

Здорово, китаец!

Как у тебя дела? Уже скоро год, как ты служишь. Пишем от тебя уже месяц не получаем. Мама старается, чтоб не было заметно, но все равно заметно волнуется. Только бы, говорит, в Афганистан не перебросили. Отец ее успокаивает. Говорит, что если бы их готовили в Афганистан, то уже давно бы там был. А так – служи себе человек в Чите и служит.

Лариса тебя ждет. Говорит, пишу письма каждый день. Китаец, а о чем можно писать каждый день?

У меня с учебной нормалью. Маригаврилла про тебя спрашивает. Сетует, что ты с первого года не поступил. Удивляется. Говорит, что ты хорошо предмет знал.

Ты пишешь, что в армии нет ничего страшного. И папа так говорит. А Иткина мать уже всюю начала Илью откашивать. Нас в военкомат водили от школы, так с ним мамочка ходила с ворохом каких-то бумаг. Говорит, у него сердце большое. А мы все знаем, что у него все здоровое. И про сердце мы впервые в этот день услышали. Нас потом еще какой-то капитан спрашивал: как ваш Иткин? Часто у него с сердцем проблемы бывают? Ну, мы ничего не ответили. Вообще, Иткин хороший парень. Это его мамаша чего-то мудрит.

Помнишь, ты писал про Серегу Тропинина? У которого девушка с заячьей губой? Все над ним смеялись, а он закрыл ей низ лица на фотке и говорит: а так?

И все перестали смеяться, потому что оказалось, что она очень красивая. А Серега ваш сказал, что будет работать и сделает ей операцию. Чтoбы было как у всех.

Это я о чем...

Помнишь, у нас Лена Долгова училась до 4 класса? У нее волчья пасть была. Так с первого взгляда и не скажешь. Только говорила странно и слюни текли. Ее все еще обижали. А потом за линию перевели в школу для умственно отсталых. А она нормальная была. Просто у нее никого не было, кроме бабушки. А та после смерти Лениных родителей выпивать стала.

Бабушка сейчас умерла, и Лена, говорят, одна осталась.

Что-то мне после того, как я это узнал, не по себе. Словно лично виноват во всем.

Извини, Никита, что грузю тебя этим, но ты мне всегда помогал. Посоветуй, что делать?

Пиши, китаец! Твой Костян.

Никита Парфенов

– Классно тут, да? Ели такие огромные... И трава молодая пошла. Можно еще целый час поваляться. Свиридыч только в десять сигнал даст.

Слушай, Серый. Как там твоя Катя? Я вот думаю, что такие девчонки, как она, одна на сто встречаются. Верные. Просто мы не ценим верность как-то, пока нас самих не кинут. Мне Лариска вот уже три месяца не пишет. Я еще в марте надеялся, а теперь понял – все! Но я спокоен. Я, когда уходил, был к этому готов. Я ведь знаю, что девяносто процентов девчонок своих ребят из армии не дожидаются. Так что... все по плану.

Да. Тут ты прав. Рахимов сорвался. Но у него, видишь, – еще с ребятами был напряг.

Да, конечно, подлечат. И снова в строй.

Слушай, Серег, я тут чего... Короче, не мог бы ты свою Катерину тут к одному делу подключить?

Письмо от брата младшего получил. Он пишет, что помощь нужна. Девчонка у них в классе одна была, Лена. Давно еще, года четыре назад. Доводили ее страшно. А у нее никого. Одна бабка, совсем никакая. У нее зять под поезд попал, когда дочь беременная ходила. После этого чего-то такое с этой дочкой произошло, что она заболела сильно. Беременная. Короче, умерла, Лену родив. А у Лены – волчья пасть. Что такое? Да вроде деформация какая-то челюсти... Не знаю. Мать таблетками какими-то лечили беременную.

За эту челюсть ее и доводили.

Директриса у нас в школе полная дура. Ее саму бы на лечение. Она документы подготовила и перевела девчонку в интернат для... не совсем полноценных детей. У кого с головой проблемы. Похлопотать было некому. Просто избавились и все.

Я всю историю эту помню. Мой брательник ее тоже, если честно, обижал. Не так чтоб очень... Там больше один такой бугай старался, Лобов. Но ей любая малость тогда, наверно, последней каплей казалась. В какой-то момент до моего брата, видимо, чего-то дошло. Я тогда в 9 классе учился. Поговорил с ним. Он поплакал и обещал ее больше не трогать. Но ее перевод уже тогда оформляли.

Чего хватился? У нее бабка умерла. Лена одна осталась. Представляешь? Ни-ко-го. В школе для дураков.

Ты пойми меня правильно... Твоя Катя замечательная девчонка. Ты сам это говоришь. Может, она Леночке этой чего-нибудь напишет?

Ну, спасибо, Серег. Я все понял. Вернемся в часть, обсудим.

Катя Сидельникова. Письмо Лене

Здравствуй, Леночка.

Ты, наверно, очень удивилась, получив мое письмо.

Ко мне случайно попал твой адрес, и я решила с тобой переписываться. Ты ведь не против?

Живу я в городе Верхнеуральске. У нас очень красиво. Озера, горы зеленые.

Мне 17 лет, и я учусь в 10 классе.

Мне очень нравится музыка. Особенно Юрий Антонов, София Ротару и Жанна Бичевская. Я хожу в ДК на занятия по классу шестиструнной гитары.

Очень люблю читать книги. Обожаю Виктора Гюго. Книги я беру в библиотеке. А ты ходишь в библиотеку? Если да, то советую взять почитать роман Гюго «Человек, который смеется». Я читала и плакала.

Лена, посылаю тебе мою фотографию, чтоб ты не думала, что я привидение. Я есть и очень хочу получать твои письма.

Пиши обо всем: с кем дружишь, чем увлекаешься. Буду ждать.

Мой адрес...

Лена Долгова. Письмо Кате

Здравствуй, Катя.

Спасибо тебе за письмо. Я была ему очень рада. Мне никто никогда не писал.

Я не знаю, что ты знаешь обо мне, поэтому напишу сама.

Мне 14 лет. Я учусь в школе для детей с умственным отстав-

анием. Но я не отстаю. Правда. Просто так получилось. Учусь я только на пятерки и уже полностью закончила курс этой школы. И я не знаю, что мне делать дальше. Директор нашей школы пыталась меня перевести в нормальный интернат, но там нужна была подпись бабушки, а она совершенно не понимала, что от нее хотят. И разрешения не давала. Боялась, что меня у нее совсем отберут. Она очень хорошая была, только болела.

Ребята в нашей школе все очень хорошие. Они, в основном, живут тут всю неделю, а на выходные уходят домой. Есть такие, кто приходит и уходит каждый день. А есть те, кто живет постоянно. Я, например. Но раньше я тоже на выходные уходила. Пока бабушка была жива...

У меня есть своя квартира, но, чтобы я в нее приходила, у меня должен быть опекун. А близких родственников у меня не осталось. Так что жить у себя дома я смогу только года через 2, когда паспорт получу. У меня ее вообще забрать хотели, но кто-то, я не знаю кто, мне помог, и она осталась за мной.

В библиотеку я хожу в городскую. В нашей школьной все книжки очень детские. А в городскую мне помогла наша школьная библиотекарь оформиться. Я беру книги на ее формуляр.

Спасибо за совет. Я обязательно прочитаю эту книгу.

Я очень рада, что ты написала мне.

Спасибо за фотографию. Ты очень красивая. Правда.

А у меня нет моих фотографий сейчас. Где-то дома детские лежат. Говорят, что нас будут скоро в школе классом фотографировать. Я тебе тогда вышлю.

Пиши. Жду. Лена.

Костя Парфенов. Письмо брату Никите

Привет, Никита.

У нас все хорошо. Бабушка столько огурцов с огорода собрала. В выходные помогали солить.

А у тебя как?

Вот видишь, уже сентябрь. Быстро так лето прошло. У нас все ребята так выросли. Я был самый высокий. А теперь Курманов и Дробышев выше меня стали. А Мишка Лаптев этим летом очки от косоглазия снял. Вылечился.

Тебе меньше года осталось. Ждем не дождемся, когда вернешься. Отец твой мопед починил. На нем пока я летом катался.

Спасибо за помощь с Леной. Я слышал, что она очень рада переписке с Катей. А Сергей тебе про это что-нибудь рассказывает? Катя ему об этом что-нибудь пишет?

Лену хотели лишить квартиры. Какой-то умник решил, что она после окончания этой школы пойдет на фабрику прицепок, и ей дадут комнату в коммунальной общаге. Но наша мама это быстро решила. Так хорошо, что она в горкоме работает. Квартира за Леной осталась. В нее только временно кого-то поселили. Мама говорит, что будет следить за ситуацией.

Девчонки из класса ходят ее навещать. Она, рассказывают, сначала удивилась их первому визиту, но теперь ждет их. Ты представляешь? Шулепина у нее теперь лучшая подруга. На выходные к себе приглашает.

Мне отец говорит: «Навести». Но мне неудобно как-то. Не представляю, о чем с ней говорить буду. Отец говорит на это, что я явно не дорос до активной позиции.

А про Лариску я тебе ничего отвечать не буду. Ты и сам уже все знаешь. Хотя и пишешь, что тебе все равно, но сам спрашиваешь, а это значит, что не все равно. Короче – дура она. И отец говорит, что ты вернешься и найдешь девчонку умнее. Например, в институте.

Прости, если грубо.

Я тебя обнимаю, китаец.

Ты лучший брат.

Костя.

Золотой Гефест

Татьяна КИРИЯКА,
г. Москва

Сгушались зимние сумерки. У калитки затихли скрипучие шаги, и звонкий голос окликнул стоящего на крыльце старика:

– Отец, не знаете, где найти мне Николая – кузнеца?

Затушив только что прикуренную сигарку, неторопливо, будто нехотя, хозяин пошел на голос.

– А вы кем ему будете?

– Воевали вместе, однополчане. Сам я из Новороссийска, переписывались, звал к себе, да все собраться не мог, написал ему письмо...

– Мил человек, да он, почитай, месяца три как уехал, куда – не слыхивал.

Поблагодарив, незнакомец зябко подернул плечами и повернул к дороге.

– Одет легко, да и ботиночки на рыбьем меху, – по-отечески жалко стало приезжего.

– Зайди в дом, отогрейся, а завтра мудренее сегодня.

В доме пахло деревенским нехитрым бытом, умиляло девичьей заботливостью: коренастый стол накрыт вышитой скатертью, на узких подоконниках сочными шапками алеет герань, ситцевые занавески перевязаны ленточками. Домотканые рулончики половиков греются у печи.

– Катерина, подавай на стол. Гость у нас.

Из приоткрытой двери робко, с любопытством выглянула девушка. Она не окинула взором сидящего за столом, а внимательно посмотрела ему в глаза. Затем быстрым движением перекинула надоедливую косу за плечо и опустила глаза. Ярko вспыхнул румянец.

Волнение девушки невольно передалось случайному гостю, хотелось внимательно ее рассмотреть, но он боялся смутить ее окончательно, перевел взгляд на хозяйню и приготовился отвечать на его расспросы.

Катя не ходила по горнице, а, стараясь не привлекать к себе внимания, бесшумно, молнией пронеслась от печки к столу и обратно и скрылась за дверь.

Хозяин, нарезав крупными ломтями домашний хлеб, принялся тихо хлебать дымящиеся щи из глубокой миски, молча приглашая гостя следовать его примеру.

Когда ужин закончили, старик вкрадчиво, будто извиняясь, спросил:

– Как звать-то вас? Меня зовут в деревне Евсеичем.

Молодой человек, немного разомлевший от сытной еды, тихого щелканья ходиков, мягкого тепла печки, даже вздрогнул от голоса хозяйню, неожиданно назвал себя полным именем:

– Артемий Степаныч!

– Будем знакомы, Артемий Степаныч, – протянул старик через стол крепкую руку. – За каким счастьем подался в наши края?

– Да я хотел, по оказии, с другом повидаться, а там – как Бог даст, спешить некуда.

Евсеич про себя отметил, что хоть и молод гость, тяжелые времена оставили свои отметины: в глазах затаилась мудрая глубина – дитя тяжелого труда и испытаний, узкие бороздки легли вдоль щек.

Артемий Степанович, вдумчиво отвечая на вопросы, видел, что «старик» совсем еще не старик; небритые щеки да усталые глаза набавляли годков, но черные волосы без седины, движения рук, прямые плечи, упругая походка молодили.

Так хотелось встретить Катин взгляд, почувствовать легкое движение ее молодого тела. Артемий Степанович решил задержаться, не спешить уезжать завтра же. А тут Евсеич, будто услышав его, предложил осмотреться: вдруг приглянется ему здесь – рабочие руки везде нужны.

Наутро многое определилось. В правлении предложили освоить кузнечное ремесло, дали в наставники ветхого кузнеца, который и молот уже в руках не держал, но на словах Артемию Степановичу передавал свои секреты, учил ревностно, строго и настойчиво. Скоро успокоился, стал похваливать.

Кузница стояла на краю села, на возвышении, плавно стекающем во все стороны к огибающей ее дороге. Выскочившая весенняя трава давно примята – много людей приходило и приезжало сюда. Дети гурьбой собирались около кузницы, играли в лапту, горелки, но работе не мешали, обещав строгим родителям не досаждать занятому человеку.

Артемий Степанович изредка взглядывал на ребятню, вспоминая вчерашнее свое детство, такое беззаботное, бесшабашное.

Дел было много, уставал, снопом валился на узкую скрипучую кровать, мысленно представляя кареглазую Катю, которая светлым лучиком жила в его сознании.

Однажды зашел по делу Евсеич, посидели на припеке, перемолвились о том–о сем, но о Кате Артемий Степанович так и не спросил, хотя слова готовы были сами высказать заветное желание.

Евсеич пригласил его «на огонек», хотя подозревал, что у кузнеца в деревне не бывает ни праздников, ни выходных.

Катя домывала крыльцо, когда услышала скрип открываемой калитки. Она упруго выпрямилась, испуганно взглянула, хотела зверьком шмыгнуть прочь, но сдержалась, пригласила в дом.

В избе кузнец развязал мешок, и Катя, вспыхнув румянцем, по-детски всплеснула руками: маленький железный

столлик на витых ножках кокетливо радовался ее восхищению.

Уже остывал гостеприимный самовар, розовые квадраты заката упали на тщательно выскобленные дощатые полы, разговор перескакивал, менялся.

Катя тихо сидела на скамеечке у окна, туго обтянув старенькой косынкой острые плечи. Лучи заходящего солнца нежились глянцем на аккуратно причесанных, заплетенных в тугую косу волосах. Больше всего хотелось подхватить ее на руки, закружить под сказочную, счастливую мелодию, которую Артемий Степанович не слышал, но чувствовал всем своим телом. Он ни разу не видел ее смеющейся и ничего не мог придумать, чтобы вызвать хоть улыбку на ее задумчивом лице.

Евсеич охнул, вскочил, засуетился, поругал себя за то, что совсем забыл про скотину, которую давно пора кормить. Он накинул старую куртку и пошел в сарай, где мычала недоеная корова.

Артемий Степанович неохотно встал, понимая, что зашел в гости.

Вдруг Катя спросила:

– Неужели вы были на войне?

– Каждую ночь чудится, что она где-то рядом, что это было не со мной...

– Было страшно?

Хотелось сказать, что очень страшно, война – это жестокое насилие над жизнью, вся против жизни, против человеческой сущности. Но так не хотелось сейчас говорить об этом.

– Было весело! – улыбнулся Артемий Степанович.

Катя удивленно вскинула брови и неожиданно улыбнулась.

Вот такую бы карточку – берег бы всю жизнь!

Вдруг нашел кураж.

– Я ведь в морфлот призывался, да попал в артиллерию. В одном городке наткнулись на чудом уцелевшую избу, решили перевести дух, чуть обсушиться. Я первым стянул сапоги, развернул портянки. Вдруг рядом так рвануло, что крыша съехала не только у дома. Дом дернулся, но устоял. Все, по-окопному пригнувшись, гуськом рванули к двери. «Темка, не засиживайся, – крикнул Николай, – завалит, бревна столетних дубов.»

Схватил я сапоги, потянулся за портянками, чувствую, так легко меня подхватило и кляпом воткнуло в выбитое окно. Странно, но звука этого взрыва я не слышал. Подрыгал ногами – целы, ну, думаю, если еще долбанет, то или ноги отлетят, или голова. Зажало в проеме так, что пришлось дожидаться ребят, все висел тюфяком в окне.

Николай пришел последним, только когда услышал дружный хохот – не хотел видеть друга мертвым.

– Ну и натерпелся я от их шуток! Как только увидят выбитые стекла, кричат: «Темка, сквозняк, заткни окно – хошь передом, хошь задом!»

Катя закрыла лицо ладонями, плечи ее вздрагивали. На пороге тревожно остановился Евсеич, недовольно взглянул на Артемия Степановича.

Катя отняла ладони – лицо ее светилось, глаза смеялись.

Евсеич немного проводил гостя, остановился, закурил.
– Отец, отдай за меня Катерину, – твердо сказал Артемий Степанович.

– Скажу тебе прямо, по-мужски, не пойдет она за тебя, у нее и молодых-то ухажеров еще не было.

Разошлись молча.

На следующий день в сиянии солнечного дня в дверях кузницы стояла Катя. Артемий Степанович обомлел на секунду – видение среди бела дня!

Но это была она, подол платья треплет шаловливый ветер.

Присели на том месте, где недавно сидели с Евсеичем. Она не дала ему заговорить. Сухим голосом произнесла:

– Пойду!

Долго сидели молча, наслаждаясь удивительным покоем и тишиной.

Вдруг она повернула к нему лицо, нежно посмотрела в глаза:

– Я ведь много раз приходила сюда вечером, когда никого не было, кроме вас. Из темноты вы казались золотым великаном, Гефестом. Отцу рассказала – он как замашет на меня руками: «Не надумай его так называть, обидишь хорошего человека: в колхозной конюшне есть конь по кличке Гефест, рыжий, норовистый; засмеют люди.»

Артемий Степанович взял Катину ладонь в свою, она не смутилась, только легкий румянец осторожно прикоснулся к ее щекам.

Рисунок Леонида Чернова, г. Уссурийск

Идол металлический

Жанна РАЙГОРОДСКАЯ,
г. Иркутск

/отрывок из рассказа/

Полночи я ворочался с боку на бок. Перед мысленным взором вставали горы, похожие на верблюжьи горбы, испещрённые оспинами пещер, вертолёт с лопастями, обвисшими, как усы подвыпивших средневековых вояк. Плазменно-белое солнце беспощадно жгло иссохшую, покрытую лессовой пылью землю и мёртвые русла рек. Говорят, с вертолёта афганский ландшафт кажется инопланетным. Серые ноздреватые хребты, перевязанные синими прожилками лазурита, белыми ручейками известняка, рыжими змейками железной руды... Чёрные острова пуштунских шатров среди сопкок-волн... Наверху – облака, кипы нечёсаной белой шерсти...

Но мне не довелось летать. Сперва я водил бензовоз-наливник, затем... Однако начну сначала.

Мы с Самсоном воевали в одной роте, в одной колонне. Ещё в школе, на УПК, получили профессию шоферов, ну и повезло – оказались вместе. Кроме того, подростками оба занимались карате, так что дедовщина особо не доставала. Как-то раз – мы были уже не сынками, без вины виноватыми, и не чижамми, быстро летающими, а фазанами, гордыми птицами – наша колонна остановилась у брошенного кишлака, где были виноградники – маленькие, разделённые глиняными дувалами, но богатые. Едва на израненную землю опустилась паранджа ночи, как мы вдвоём махнули через глинобитную стену крепости. Друг подсадил меня, я кинул верёвку... Видимо, и я, и Самсон в детстве недоиграли в индейцев. Собирая ничейный виноград, мы стали изображать крестоносцев в арабском мире. Слава Богу, хватило ума шутить по-русски, хотя инглиш знали оба.

Виноградники образовывали настоящий лабиринт. Отдельные участки соединялись крохотными калитками-лазейками. Представляю, как трудно было штурмовать кишлаки...

Меня, кстати, благовали в разведроту. Самсона туда не звали никогда. Разведроты, помимо прочего, занимались зачисткой мятежных пчелиных дупел. Но я прикинул, что придётся убивать подростков, иначе те сходят в горы за подкреплением, и отказался. Возможно, зачищая гнёзда моджахедов, я приобрёл бы ценный опыт как солдат, но зачеркнул бы себя как литератора. Там ведь и дети, и тётки под руку подворачивались...

У нас, творческих людей, бывают приступы тоски, ярости... Кровь превращается в кислое молоко, и мир становится чёрным. Идёшь, бывало, в такой день по улице, а под ногами пятилетний клоп путается. Так бы и отвесил пинка, но, если дашь – ставь на себе как на писателе жирный крест...

Да ещё, говорят, те, кто в зачистках участвуют, проходят боевое крещение. Надо резать раненого духа ножом, глядя ему в глаза. И закалка, и экономия патронов. А я, признаться, нервный человек. На черта мне это издевательство над собой... Над собой... Ха-ха...

А в соседней клетушке-винограднике как раз резвились братки из разведроты. Четверо. Отморозки, а компот из винограда и блинчики с изюмом небось любили, хотя предпочитали анашу.

И туда же див занёс молоденькую девчонку-афганку. Было ей лет четырнадцать, чадру уже носила. То есть не чадру, чадра глаз не закрывает, а паранджу – глухую волосяную сетку, через которую всё видится серым. Афганки носят и паранджу, и чадру, а самые смелые горожанки лицо открывают. Вообще

в мусульманских одеяниях, особенно женских, шайтан ногу сломит. Поди разбери, где чадра, где паранджа, где чачван. Это всё покрывала для лица. Балахон для тела – то ли хиджаб, то ли никаб. Под это бесформенное чудо надеваются штаны, по крайней мере та недотыкомка была в шароварах. На голове платок, как без этого.

Потом я узнал, что девушка была с братцем, но в первый момент, заглянув в лазейку, никакого брата не увидел.

Началось, как водится, с шуточек. Гюльчатай, открой личико. Затем паранджу сорвали. Только я наострил глаза посмотреть кино «до шестнадцати», как Самсон коршуном перелетел через тын и кинулся на братьев по оружию. Чёрт знает, что его подтолкнуло. Любовь к женщинам? Солидарность религиозного человека? Или то, что девка ногу подвернула (потом оказалось – неудачно с забора прыгнула), с земли не могла подняться? Да и... Наверняка мой рыцарственный друг понял – эти козлы живой её не оставят – в мусульманской стране нельзя изнасиловать и уйти, по крайней мере, гяуру. Кара падёт на всех иноверцев. Но в первый момент я не сообразил, насколько всё серьёзно. Думал, поимеют и отпустят. Лезла ночью в брошенный кишлак, значит, решила отведать, что за мужики эти шурави. Голод? Какой голод? Да мы им знаешь сколько муки и сахару привезли! Хотя, возможно, председатель кишлака, торжественно поклявшись разделить продукты между бедняками и вдовами, исподтишка сплавил всё в дулканы...

Я-то думал, если что и произойдёт, ну, заплатят за неё поменьше калыму или сплавят в увеселительный дом... Шариат шариатом, а бордели там есть – не только в городах, но и в подземных пещерах. Эти для духов.

Да в конце-то концов!.. По индуизму, смерти нет, есть бесконечная цепь реинкарнаций.

Аллах на небе отличит своих. После того, как я видел наших убитых с отрезанными ушами и пальцами... Мы, конечно, тоже были не мёд, ой, не мёд. Не все, но попадались уроды. Диких баранов стреляли. Дикая – это баран, отставший на пять метров от хозяйского стада. Не сторгуются с дулкаником – расстреляют все арбузы из автоматов. Начальство покрывало. Да ведь местные и своих не щадили. Мальчик семи лет взял у шурави конфету, так духи ему руку отрубили!.. Не было у меня жалости к этому народу.

Но друга я бросить не мог. А я человек нервный. Полез в драку – не пощаду. Мне проще не начинать. Бил по суставам, по челюстям... Девка кое-как отползла...

Смотрю – луч фонарика. Автоматная очередь поверх голов. Вижу – стоит, матюгается. Худощавый, высокий полковник медслужбы. В форме, однако на лысине тибетейка. Местная знаменитость, Хасан Кузьмич Пулин, по прозвищу Миротворец. Полурусский, полутаджик, однако светлый, как истинный ариец, и сероглазый. Пока не облысел, шатеном был. Таджикский язык знал и на дари (он же фарси, он же литературный новоперсидский) объяснялся неплохо. А за руку доверчиво местный подросток цепляется. Братец непутёвой ханум. За помощью бежал. Привёл. А за спиной Хасана десяток братков маячит. Предусмотрительный доктор, однако...

Братки похватили гопников, а заодно скрутили и нас, избавителей. Хасан Кузьмич поднял с земли глухую волосяную сетку

(из лошадиного хвоста, не иначе!), подал сборщице винограда, затем опустился на колени, засучил её шароварину и стал ощущать ногу. Он всё время о чём-то болтал, заговаривая зубы. Затем девица взвизгнула, и вывих был вправлен. Пулин достал бинт и занялся тугой повязкой, затем поднялся и приступил к допросу. Пару раз спросил о чём-то девицу, она подтвердила наши слова. Да и в части о нас обоих отозвались хорошо. На следующий день, как остановилась колонна, Пулин подошёл к нам и заговорил. Дескать, моего шофера подранили, замену ищу. Нужен человек, владеющий единоборствами, понимающий требования момента, уважающий местное население... Мы с другом обещали подумать пару деньков.

Честно говоря, Самсон подошёл бы Пулину больше, однако судьба распорядилась иначе. Приползли мы в небольшой городок, оставшийся без света и топлива, начали, с разрешения начальства, наливать горячее в бидоны и бадейки жителям... И тут к Самсону подошла наглухо закутанная ханум и угостила его (и прочих, разумеется) лепёшками из тутовой муки. Тутovníк, он же шелковица – это дерево, а ягоды на нём, как малина, только не красные, а тёмные, впрочем, бывают и светлые. Ягоды сушат, смалывают, пекут лепёшки. Вкуснятина.

Может, я грешу против истины... Однако девчонка очень походила на ту, из виноградника. Те же кошачьи движения... Россыпь родинок у основания большого пальца... Волосистой чачван... И прихрамывала немного. А городок был совсем недалеко – мы сделали круг и вернулись...

Самсон взял лепёшку, а меня будто сковало. Со мною и в Союзе такое случалось. Ещё подростком смотрел я фильм из средневековой жизни. По чумному городу проходит колонна здоровых. Накрылись тканью, будто это поможет. И рядом большая нищенка ползает, хлеб вымогает. Ребёнок ей подал кусок. А дальше – крик: «Мама, мне плохо!» – и видно, что тело падает. Через пару дней выхожу на улицу, а там пьяный безногий бич не может сойти с тротуара. Дайте мне руку, кричит. Никто не двинулся, а я, видимо, посмотрел на него с сочувствием. «Дай руку, парень!» А я пошевелиться не могу. Выдавил: «Боюсь!», отвернулся и пошёл не оглядываясь. «Чего боишься, болван?» – понеслось мне в спину.

Теперь я думаю – может, правильно я тогда не подал руки, вдруг у него чесотка. Но весь Афган преследовала паршивая мысль: не оторвало бы ноги. Повезло, вернулся целёхонек. Один шрам на голени, другой повыше локтя. Легкими ранениями отделался...

А к вечеру свалился Самсон, а с ним и прочие гурмань с ревью в кишечнике и кровавым поносом. Что двигало поганой девкой? Месть за родственника-духа? Убил бы...

Я кинулся к Пулину и согласился на все его условия. Самсона и ещё одного удалось вытащить, прочим повезло меньше... Моего друга отправили в Союз по состоянию здоровья, а я пересел на «УАЗик» и стал возить Хасана Кузьмича.

Забот у Пулина было много. В госпиталях не хватало лекарств, шприцов, перевязочных материалов. Бывало, что медики и прочие офицера выпивали спирт. Тогда приходилось обрабатывать раны бензином. Помогало яркое солнце. Оно обеззараживало раны, убивало микробов. Раненым и больным выдавали простыни, одеяла, а парни лежали на своих шинелях, на голой земле, в трусах. Представь такую картину. Пациенты наголо острижены, а с них сыплются вши. А рядом в кишлаке афганцы ходят в наших больничных пижамах, режут простыни на чалмы. Больные всё продавали – у них на почве пахнувшей хлоркой гречки начиналась цинга. Покупали у дуканчиков шоколад, пирожки, анашу, безделушки.

Много было и приключений. Ходили в немирные стойбища пуштунов с петлёй на шее и пучком травы во рту. Это обычай. Так ходят мириться кровники. Трава во рту означает: я ничего не могу возразить на твои обвинения. Верёвка – можешь меня

удавить, но Аллах тебя покарает. Вот мы и маскировались под кровников – и для переговоров, и для лечения.

Один случай был совершенно дикий. Нашли мы на обочине грунтовой дороги младенца, завернутого в одеяло. Места были дикие, и Хасана Кузьмича там не знали. Понёс он грудничка в ближайший кишлак. Я сижу, жду, а на душе кошки скребут. Пяти минут не выдержал, пошёл следом. Шёл тихо, крался, можно сказать, и правильно. Гляжу – лежит Хасан Кузьмич на земле, а бабы его мотыгами забивают. Дал очередь поверх голов. Толку мало. Пришлось не поверх. Ах, шайтан... Кидаем отморожков на немирные кишлаки, вот и получаем народную войну...

Убить женщину не так трудно, как воображает интеллигенция. Ишака или верблюда прикончить сложнее. Это животные мирные, а женщина как собака – на кого науськает хозяин, на того и кинется. Мусульмане тоже не дураки. Сообразили, что европейцу трудно убить женщину или подростка, и выставили их вперёд, как боевых слонов. Наверное, так же, как и я, считают, что смерти нет... Но если женщина становится воином, пусть не рассчитывает на снисхождение...

Интеллигенция, помнится, кудахтали: ах, людям может понравиться убивать! Ах, это вирус, заражающий мужчин одного за другим!.. Да не вирус это, а призвание!.. Иногда я думаю, что в меня подселился дух средневекового наёмника. Этот рубака предан своему командиру, ценит мужскую дружбу, но в упор не понимает, что такое привязанность к матери, женщине, любви к родине. Я воевал не за родину. Я воевал потому, что родился для этого. Есть у меня и другие дарования – биолог, писатель, кузнец, столяр. В Союзе многим приходилось заниматься... Каждому человеку от природы даётся россыпь талантов.

Но женщины, слава Богу, больше гробить не приходилось.

Однако меня ждал новый удар. Вышел Хасан Кузьмич из госпиталя и подорвался на mine, итальянской, пластмассовой. По кусочкам собирали. Фляжка, помнится, лежала отдельно, и драгоценная вода на глазах уходила в растрескавшийся панцирь земли. Я поднял флягу и припал к ней. Я пил силу своего сюзерена... Пришёл вечером в госпиталь, а там лампа стоит самодельная, с абажуром из пластмассовой мины. Как я её швырнул... Никто меня даже не материл. И осколки собрали.

После смерти Пулина я думал, не подать ли заявление в разведроту, однако там бы я озверел окончательно. Решил проситься в Союз – а служил я уже сверхсрочно, дослужился до прапора... Личную храбрость проявлял, однако людьми управлять не доводилось. Не моё это. Думал вернуться, жениться и родить сына, чтобы в него подселиться душа Хасана. Но у меня оказался не тот характер. Понимаешь, я путник. Иду, вижу одно дерево. Иду дальше, вижу другое. Куда я приду, не знаю. Может быть, и в враг. Но привязать себя к одному из деревьев для меня хуже смерти. На своей территории дольше двух-трёх часов я не потерплю никого.

Другие как-то могут и себя поставить, и другого не обидеть. Совмещают кнут и пряник. С кнутом у меня всё в порядке, а с пряником... Видно, со школьных лет засело в подкорке: тот, кто делает добро – шестёрка и лох.

В молодости я думал, что задача бабы – поставлять государству душечное мясо. И, как нарочно, друг Самсон налетел именно на такую крольчиху. Познакомился в церкви с девицей, которая видела смысл жизни в повышении обороноспособности государства. Одного воина Вера уже преподнесла родине (был у неё парнишка лет пяти, а муженёк по пьяни замёрз в тайге), но хотела дарить ещё и ещё.

Купили они дом в частном секторе и зажили... ну, хоть не припеваючи, но терпимо. Собак разводили, щенками торговали. Одно худо – забыл Самсон забавы наши, без которых мужчина – и не мужчина вовсе.

Мы с друзьями-ролевиками срубили струг и решили обойти на нём вокруг Байкала. Ролевиков многие презирают, а зря. Игры – не только бегство от жизни, но и тренировка боевых на-

выков. Налетят на ролевика гопники – он выхватит штакетину из забора и пойдёт фехтовать. Или приёмчик применит. Мы с Самсоном много чего парням показали...

Услышала Вера про наш кораблик, аж затрясло её. Понять можно. Первый муж замёрз, второй, того гляди, утонет!.. И началось: «Не сяду за стол с некрещёным!» Я терпел-терпел, дождался, что наследник в свою комнату ушёл, и выдал, что, дескать, Самсон взял тебя с ребёнком, так будь ты, зараза, поблагодарнее! Вера к Самсону. Расчирикалась. Неужели ты, Самсончик, допустишь... Гляжу, подымается из-за стола двухметровый Самсончик. Пойдём, выйдем. Пошли, вышли. Знаешь, говорит Самсон, по секрету тебе поведаю: у нас через полгода прибавление в семействе, Вере ни к чему лишняя нервотрепка. Давай ты пока приходишь не будешь, а я на жену повлияю, будь спок. Я повернулся и отправился восвояси. В плаванье пошли без Самсона. Больным сказался, зараза.

Помнишь, у Гумилёва...

*Наплывала тень, догорал камин.
Руки на груди, он стоял один.*

*Неподвижный взор устремляя вдаль,
Горько говорил про свою печаль.*

*«Я узнал, узнал, что такое страх,
Погребённый здесь, в четырёх стенах.*

*Даже блеск ружья, даже плеск волны
Эту цепь порвать нынче не вольны».*

*И, тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.*

Со мной так никогда не будет, понял?.. Мне не нужна крольчиха, а уж владычица тем более. Пожалуй, мне нужна подруга типа Муромцевой-Буниной, готовая кинуть свою жизнь к ногам высшего существа. Даст Бог, обломаю Татьяну, думал я, ворочаясь без сна на боковом и прогоняя в памяти прожитую жизнь...

Через пару месяцев иду мимо Самсоновой хибары. Хозяев, судя по всему, дома не было. Зашёл во двор, а там Брунгильда, немецкая овчарка, оценилась. Лаёт-заливается, но, слава Богу, на цепи сидит, и выводок весь при ней. Зато Отто, супруг, по двору прогуливается. Подошёл ко мне, лапы на плечи поставил и вежливо, шаг за шагом, выставил за ворота.

Формально меня выгнал кобель. Но надо же смотреть в корень!..

В дальнейшем мы, конечно, виделись, но дружба закончилась. Сейчас у Самсона с Верой уже три сына и дочь. Выполняют мою норму... Хотя какой-то с них прок...

Я-то, как понял, что не создан для семьи, пошёл в ботанический сад. В студенчестве я видел себя зоологом типа чеховского фон Корена, «ботаник» было для меня ругательством типа маменькиного сына. А после Афгана... Есть одна фишка. Австралийские аборигены считают, что после смерти человек превращается в дерево. Казалось бы, они мне никто. И веру-то, небось, жрецы придумали, чтоб поменьше деревья рубили. А вот легло на сердце. Убивал ведь я... Людей своего типа, воинов убивал... И как посажу деревце, мнится мне, что воскресил я убитого, неважно, врага или друга...

Потом ещё много чего было. Столярничал, мебель делал. Кузнечил, ковал решётки на окна и кладбищенские оградки. Интересно было пробовать новое – я ж писатель. Биофак закончил, машину купил, таксовал... Поднакопил денюжат и снова в ботанику – деревья садить да прививками заниматься... Между делом кандидатскую защитил...

Под утро я всё-таки задремал, и сон мне привиделся странный.

Иду я будто мимо нашей колчацкой мечети. Небольшое одноэтажное здание из жёлто-серого песчаника с башенкой над входом. Но минарет башенка не тянула, однако венчал её металлический полумесяц. Вообще улица была восточная. Поблизости располагались две кофейни – «Халол» и «Омар Хайям». Кирпичная пожарная каланча дореволюционной постройки тянула на смотровую башню. Седой таджик прогуливал ишака и верблюда, фотографировал рядом с ними...

Сразу после возвращения я старался по этой улице не ходить – раздражало... Теперь же, спустя пятнадцать лет – забавляло...

Зашёл я за кирпичную ограду, поднялся на крыльцо храма, ступил на чужую землю... И оказался в глинобитной афганской хижине... Сон же... В прихожей стоял наш советский автомат, обклеенный, по афганскому обычаю, лубочными картинками. Магазин был полон. Я проверил.

Жилая комната скрывалась за расписанной цветами занавеской. Ах, шайтан... То, что на Востоке женщин угнетают, это круто. Европейец Ницше и тот советовал идти к бабе с плёткой. Но запрет на изображение животных и людей не по мне. Художник – такое же призвание, как воин, писатель, учёный... И кто посмеет диктовать живописцу – то рисуй, это не рисуй?..

Я осторожно заглянул в комнату. Мебели не было. Вокруг цветастого ковра лежало несколько вышитых подушек. Хозяиственный угол был отгорожен истёртой кошмой. На одной из подушек сидел, скрестив ноги, пожилой бородач в чёрном халате и белой чалме. На плечах у него лежало нечто похожее на шарф или иудейский талес.

По другую сторону ковра, неловко подогнув ногу, сидела женщина в синем хиджабе – кошмарном одеянии мусульманок, закрывающем всё тело. Видны были только кисти рук. Я отметил россыпь родинок на левой, у основания большого пальца... В углу виднелась ещё одна несуразная фигура в хиджабе. Мать? Сестра? Тётка? Какая разница...

– Я понимаю, сестра-мусульманка, – вещал имам. – Этот шурави тебя спас. Ты не хочешь лишать его жизни. Но подумай о своём отце, павшем от рук шурави. Разве не видела ты детей-калек, пострадавших от советских миномётов? А что шурави хотели сделать с тобой? Они бы тебя прирезали – шакалы трусливы. Что с того, если среди пришельцев нашлись трое достойных? Аллах, в своей безграничной милости, их не оставит – ни в этой жизни, ни после...

Долг перед родным кишлаком, перед отцовской памятью должен перевесить!..

Я не мог дальше слушать. Автоматная очередь полоснула по старому демагогу. За Самсона!.. За Пулина!.. Нелепая фигура из угла кинулась мне навстречу, пытаюсь, видимо, прикрыть дочь. Не добежала. Очередь скосила. Я чувствовал себя Раскольниковым, зарубившим процентщицу и сестру её Лизавету. Однако хватит...

Я опустил дуло автомата и шагнул к девочке. Она сползла с подушки и теперь полусидела, полулежала на полу в ожидании своей участи. Я подсел рядом и рывком приподнял паранджу.

Глаза у мусульманки оказались удивительно серые. Это была... Татьяна.

Предок-наёмник не целовал военную добычу... Но для Тани я готов был сделать исключение.

– Бери меня, победитель, – прошептала она, – возьми меня и мой город...

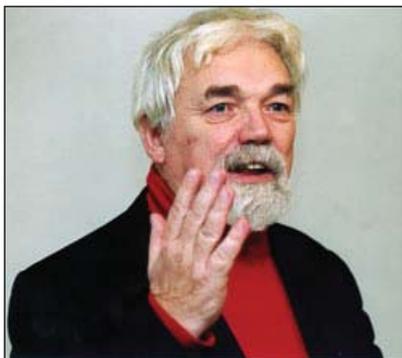
...Я проснулся. Присел на полке. За окном ползли татуированные заборы петербургских предместий. Запутавшаяся в голых осенних ветвях утренняя луна рассеянно глядела на ползущие зелёные гусеницы поездов.

Я приближался к месту моего назначения.

Наше время для стихов!

Владимир МОНАХОВ,
г. Братск

Илья Фоныков

17 октября поэту Илье Фоныкову 75 лет. Он коренной сибиряк, хотя давно живет в Питере. Не раз бывал в Братске, немало стихов посвятил Сибири и, в частности, нашему городу, дружил с местными поэтами. Многим помогал выйти в литературу.

Из книги судеб. Илья Олегович родился 17 октября 1935 года в городе Бодайбо Иркутской области, воспитывался и учился в Ленинграде. Первой школой была блокада, второй – собственно школа (старейшая петербургская «Петришуле»), третьей – филфак Ленинградского университета (отделение журналистики). И ещё, сверх всего – ленинградская школа в поэзии, к последователям которой совершенно справедливо отнёс Фоныков поэт Александр Межиров – автор предисловия к маленькому томику в известной когда-то серии «Библиотечка избранной лирики» (Москва, 1967). В течение многих лет Илья Фоныков работал собственным корреспондентом «Литературной газеты» (по Сибири, потом – по Северо-Западу России). После первого сборника стихов («Именем любви», Ленинград, 1957) вышло ещё более сорока книг (стихи, литературная критика, публицистика, многочисленные переводы с языков народов России, ближнего и дальнего зарубежья). Чем-то вроде предварительного итога более чем пятидесятилетней литературной работы можно считать книгу «Островитяне» (Санкт-Петербург, 2005), впервые объединившую избранные стихи автора и его прозу: эссеистическую, литературно-критическую, мемуарную.

...Квартира Ильи Фоныкова пропитана книжной культурой, поэзией и живописью. Под крышей этого дома я проникался ощущением, что без человека поэзия отсутствует. Только человек заполняет пустоты бытия напевностью речи, звукообразия языка и ритмикой говорения. И даже молчаливым Словом, которого так не хватало в самом начале и особенно сейчас многим недостаёт. Поэзия – это оргазм человека на стабильный мир, бытие в оправе Бога и одновременно Бог – в формате бытия. Поэтому я не удивился, когда, неожиданно проснувшись затемно от внутреннего самопроизвольного толчка, нашёл на письменном столе блокнот, карандаш и стал записывать

свои поэтические видения, которые мне диктовали стены этого дома. А утром за чаем отважился прочитать.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА,

составленная в пять часов утра на квартире поэта Ильи Фоныкова, Санкт-Петербург, Малая Посадская, дом восемь.

В пятницу, 22 апреля 2005 года от рождения Христова, на 12 фестивале русского верлибра, в музее Анны Ахматовой на Литейном, было установлено два микрофона:

Один – для больших,

Другой – для маленьких поэтов.

Но первый микрофон работал со сбоями,

И потому большинство авторов

Выходили к микрофону для маленьких.

– Мы знаем своё место, дорогая Анна Андреевна!

Илья Олегович поощрительно хмыкнул и сдержанно сказал: «Жизненно». Этого одобрительного слова было достаточно, чтобы автор подавил в себе мешанину сомнений и решился прочитать верлибр на фестивале днем.

Для меня Илья Фоныков – живой классик советской поэтической школы, которого никаким отработанным механизмом забвения уже не сбросить с корабля современности. Его стихи – это попытка выразить красоту словами, которые до этого были и сейчас остаются общеизвестными, но получили новый заряд ритмической энергии в душе поэта. Я познал его рифмы с юности, читал его публицистику в «Литературной газете» в молодости, особенно зачитывался японскими дневниками, а в 90-х годах прошлого века вступил с ним в переписку, как активно проявивший себя поэт.

Классик не стеснялся отвечать на письма малоизвестного автора из Братска, иногда одобрительно, иногда с критикой. Илья Олегович не одобрял и не поддерживал моей скептической мысли, что поэзия гибнет на наших глазах. И со свойственным ему житейским оптимизмом изо всех поэтических сил, без надежды на вознаграждение и славу, активно доказывал, что жить со стихами уютней и легче, чем без них. «Наше время для стихов», – повторял я вслед за Фоныковым.

Не знаю, помогло ли это русскому народу в целом, за весь народ я не отвечаю, но меня поддержало, заставило не опускать руки, когда казалось, что слово поэтическое больше не оживёт, что его задушит слово информационное, или, точнее, слово дезинформации. На его торжество дезинформации обратил когда-то наше внимание Юрий Беликов.

Теперь я понимаю, что Илья Олегович всем ходом своей литературной жизни имел право на такой оптимизм, ведь первая поэтическая книга вышла у него ровно 50 лет назад, и с тех пор их было больше сорока.

– Даже во времена, когда стихи отказывались издавать, я не растерялся и выпускал маленькие малотиражные книжки на домашнем компьютере, и эти тоненькие сборники раздавал и рассылал своим читателям даром, – вспоминал о поэтическом безвременье поэт. – А в конце 1999 года, после одиннадцатилетнего перерыва, в издательстве «Петербургский писатель» вновь вышла «настоящая» книга стихов – «Своими словами». Может быть, лучшая у меня. Объём – большой, а тираж – маленький, но по-нынешнему нормальный – 500. Сознаю, что по возрасту я для многих уже динозавр, – продолжает размышлять Илья Олегович. – Оказывается, это совсем не так уж плохо. Хотя бы потому, что совершенно не волнуют проблемы самоутверждения. Уж какой есть, такой есть. Похвалят или поругают – от этого мало что изменится. И сам акт публикации в значительной мере утратил свою гипнотизирующую притягательность. Будут книги – хорошо. Нет – тоже не трагедия. Но потенциального читателя-собеседника всегда имею в виду. И стихи пишутся, особенно в форме сонета. Потому что желание «столкнуть слова, чтоб выскочила искра», не утратилось. И особенно от этого радостно, когда тебе уже перевалило за 70.

Я сутки находился в доме поэта весной 2005 года, ощущая религиозный трепет, поскольку дом Ильи Олеговича – это музей истории отечественной литературной школы. Фоняков человек оригинальный: уникальная память и энциклопедическая начитанность его поражали. Умение ладить с авангардистами вызывало уважение (и верлибром пишет поэт, и палиндромом активно использует в канонических стихах, даже пару миниатюрных книжечек выпустил). На 12 фестивале русского верлибра в 2005 году он сразил молодёжь, которая эгоистично считает, что поэзия начинается с них, удивительно сочно прочитав кусочек из революционной речи Владимира Ильича Ленина как великолепный образец политического верлибра, интонационно разбив слова вождя всемирного пролетариата на ритмичные строфы. Чем и вошёл в историю питерского фестиваля. И чем был изрядно огорчён, поскольку организаторы пропустили мимо ушей чудесные верлибры самого поэта. А в затянувшихся бесконечных спорах на тему авангарда он предельно лаконичен и точен:

– Для меня вся поэзия – авангард. Пушкин – авангард, Блок – авангард, Заболоцкий – авангард. Авангард – всё, что смело, свежо, оригинально, истинно. Форма выражения – ритмические вариации, наличие или отсутствие знаков препинания, степень метафорической изощёренности – вопрос второй.

Традиционная форма – нормальный литературный язык, классическая ритмика, логичность и ясность – лишь наиболее естественная форма выражения поэтической мысли. Она всегда будет существовать и всегда будет преобладать. Но всегда будут существовать и иные формы. Можно всё, даже вообще без слов.

Как-то в Новосибирске меня поразила «поэма» некоего А.Сурнина, составленная из одних цифр:

1, 2
3, 4
5, 6
7, 8
9, 10
11, 12
13

И ведь понятно же о чём! О трагедии «непарности», одиночества, о драме того, кому выпал несчастливый (тринадцатый!) номер. Крик души. А если нет этого крика (писка, шепота, бормотания и т.д.) – тут хоть как извернись, всё равно получится непоэзия, арьергард, уныло перемешивающий сапогами ту пыль, которую подняли идущие впереди тебя.

Причисляя себя к питерской (поэт подчеркивает – ленинградской) школе (об этом есть в подборке стихов), Илья Олегович не забывает о своих сибирских корнях. Он родился в Бодайбо Иркутской области. Закончил в Ленинграде университет, но долго работал в Новосибирске, объездил Сибирь и Дальний Восток.

Бывал в моём родном Братске, дружил с местными писателями. А как не дружить, если в Братске есть поэтическая библиотека Виктора Сербского, в которой хранится полное собрание всех изданных и рукописных сочинений Ильи Фонякова! Обширная картотека его писем и автографов. Тяга к нашим заснеженным по май просторам укреплена ещё активными переводами стихов поэтов малых народов Сибири. И этот поэтический труд по сей день считает важным для себя.

Моё продолжительное знакомство с творчеством Ильи Олеговича заставило сделать внутренний вывод: надо постоянно больше читать не для узнавания и постижения других, а для понимания самого себя и только себя одного. Но читать надо лучших поэтов и мыслителей, чтобы обмениваться с ними не идеями, а прежде всего своими сомнениями, которых в наше время много стало уже не хватать.

Перечитывая книги Ильи Фонякова, я обогатился и поразился ещё одному простому открытию внутри себя. Люди просят Бога обо всём, чем Бог не располагает, и чего у Господа никогда не было. Всевышний из Слова вышел и в Слово ушёл. И если его попросить о Слове, то Он его может ещё дать или, по крайней мере, позволить прочувствовать. Но кто просит Слово? Только поэт или пастырь. А остальные с чем к нему пристают? С мирскими делами своими, которые только утяжеляют нашу жизнь в частности и бытие в целом. Но успокаиваются люди в слове и со словом. Поэтому –

*Бессмертие русской речи
ещё предстоит заслужить
и словом себя обеспечить,
чтоб дальше во Слове жить!*

ВЫРАЖАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Во втором полугодии 2010 года материальную помощь «Литературному меридиану» оказали: Наталья Черняева (г. Москва), Валентин Курбатов (г. Псков), Лена Акимова (г. Партизанск), Анна Петрова (г. Калгари), Василий Пономаренко (г. Ярославль), Людмила Берестова (г. Лесозаводск), Нина Исакова (г. Уссурийск), Александр

Рачков (г. Николаевск-на-Амуре), Анатолий Бакалов (г. Владивосток), Алиса Артеменко (с. Марьяновка), Борис Дубровский (п. Углекаменск), Светлана Тимиргалиева (г. Москва), Раиса Лихачева (г. Калуга), Валентина Гамаюнова (г. Артем), Владимир Люков (г. Москва), Юлия Подгорбунская (г. Иркутск), Любовь Самойлова (г. Уссурийск).

Редколлегия «Литературного меридиана» желает вам, дорогие друзья, здоровья и благополучия, благодарности и признания ваших читателей, доброго отношения к вам и вашему труду.

АНОНС

Декабрьский номер «ЛитМ», мы надеемся, выйдет в новом оформлении и формате, отличном от нынешнего.

Редколлегия

Зона штрихового кода

П
Р
И
Ё
М

ф. 112 эф

Зона оттиска ККМ

ПОЧТА РОССИИ

№ _____
(по накладной ф. 16)

№ _____
(по реестру ф. 10)

ПОЧТОВЫЙ ПЕРЕВОД на 270 руб. 00 коп.

Двести семьдесят рублей 00 копеек

(рубли прописью, копейки цифрами)

Кому: Ко'стылеву Владимиру Александровичу

(для юридического лица – полное или краткое наименование, для гражданина – фамилия, имя, отчество полностью)

Куда: 692342, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16

Заполняется при приеме перевода в адрес юридического лица
Выплатить наличными деньгами

индекс

ИНН: _____ Кор/счет: _____

Наименование банка: _____

Рас/счет: _____ БИК: _____

От кого: _____ ИНН при его наличии _____
(фамилия, имя, отчество)

Адрес отправителя: _____
(адрес места жительства (регистрации), адрес пребывания (ненужное зачеркнуть))

индекс

Сообщение **Подписка на первое полугодие 2011**
(назначение платежа)

Г О Д А Н А «Л и т е р а т у р н ы й м е р и д и а н»

Предъявлен: _____ серия _____ № _____ выдан _____ / _____ 20 г.
(наименование документа)

(наименование учреждения)

Для нерезидентов России

Предъявлен: _____ серия _____ № _____ выдан _____ / _____ 20 г.

Дата срока пребывания с _____ / _____ 20 г. по _____ / _____ 20 г.

Гражданство: _____

Подпись отправителя

Зона линейного штрихового кода

(шифр и подпись)

(подпись оператора)

Обведенное жирной линией заполняется отправителем

линия отреза

Зона информации клиента

Зона матричного кода

Исправления не допускаются

ПОД МУЗЫКУ

Нина Полуполтинных – звучит, как скороговорка. А если положить на музыку, похоже на капель. Вернее, на полет капли с крыши.

Ни-на! – вот она отрывается от стеклянного конуса сосульки и – летит.

По-лу-пол-тин – переворачиваясь в воздухе и подлетая к земле, вздыхая последний раз; ных – это встреча с лужицей.

Такое музыкальное имя, такая смешная фамилия.

А если по отдельности?

Ни-на! «Ни» – на вдохе, «на» – на выдохе. «На» – слово, нужное именно в этот миг: на – чаю с чем-нибудь вкусненьким, на – то, что необходимо. Она знает, что дать.

А «Ни-ни-ни»? Не «Песня Сольвейг» – песенка синички. Очень чисто, прозрачно, коротко.

Она их сочиняет – песни и песенки. На очень доступном языке

воспевает. Ее музыка – над землей, она естественна и незамысловата. Она проста и искренна.

Так и живет Нина Полуполтинных – то в ритме вальса, то под полечку, но всегда под музыку...

Тамара Кузьмина

ОТ РЕДАКЦИИ

Поздравляем Нину Полуполтинных с выходом в свет книги ее песен для детей «Чудесная страна».

Отпечатано в типографии
«Искусство печати»

Оплатить (перечислено) (должность, подпись)
Отметки о доставке, возвращении и причинах неоплаты:

Сумма (рубля прописью, копейки цифрами)
ИНН при его наличии

ФИО (фамилия, имя, отчество)
Получил « 20 г. (подпись адресата)

Предъявлен: (наименование документа) серия № выдан г. 20

Для нерезидентов России
Предъявлен: серия № выдан г. 20
Дата срока пребывания с г. 20 по г. 20

Граждство:
Укажите адрес места жительства (резиденция) или места пребывания адресата

Заполняется при вылате перевода в адрес юридического лица
Получатель:
ИНН: ОЛРНО

Адрес местонахождения по месту государственной регистрации
(фактический адрес, указать при несоответствии с местом государственной регистрации)

РАСПИСКА АДРЕСАТА

Зона отиска ККМ

Обеденное жидкое черное

Вторичное название
Плата за доставку
руб. коп.
Подлежит оплате
(подпись)

О П Л А Т А

лишь отраз

Сообщение:
Адрес отправителя
От кого

На руб. коп.
к почтовому переводу
ТАЛОН

Там, на Камчатке

Ольга ЛЕВАШОВА,
г. Домодедово

«Эй, там, на Камчатке! – частенько слышала я остроты учителей в сторону задних парт, – что-то сегодня вы разбушевались! Землетрясение у вас там или вулканы извергаются?» И, конечно, все смеялись.

Камчаткой было самое дальнее место, куда те, кто хотел учиться, не садились, занимая передние парты. Я всегда твердо считала, что участь камчадала меня не постигнет никогда, во-первых, потому что всегда хорошо училась, а во-вторых... это ж так далеко! Это почти непостижимо, эти все вулканы и землетрясения, как будто планета Земля еще в возрасте своего младенчества и лицо ее еще только формируется потоками горячей лавы; творчески горячий процесс кипит... Это почти как заглянуть за горизонт и первой на всем земном шаре увидеть рассвет... Поэтому когда романтически настроенный молодой человек жарко шептал, что любит и года через два заберет меня «куда-нибудь на Камчатку» – я кивала, для меня это было так же фантастично, как если бы завтра же я пришла и обосновалась на задней парте...

И, конечно же, я и не представляла, что в буквальном смысле попаду на самую что ни на есть реальную Камчатку, что переведу часы на час вперед, что буду жить на Горизонте, за который мечтала заглянуть... Реальный камчатский Горизонт бывает северный, южный и восточный, потому как это районы города Петропавловска-Камчатского, а тот самый рассвет, избавившись от романтических иллюзий, окажется торговым центром «Рассвет» с одноименной остановкой... А камчадалы и вправду первыми видят рассвет на час раньше остальной России...

И привез меня на Камчатку не тот романтический парень, словам которого не верила и который в свои слова сам не верил, а самый настоящий, реальный муж с золотым кольцом на правой руке. Тот, который не в шутку, а в серьез называл меня женой, а командира тварью. По части командира я вполне разделяла мнение мужа, хоть ни разу «эту жирную тварь» и не видела. Просто этот командир делал так, что мужа я видела два раза в день. Первый раз в 6 утра, когда он будил меня, чтоб я закрыла за ним дверь; наскоро поцелованный мной,

мой муж отправлялся на корабль, по пути одним из первых в России встречая рассвет, но, видимо, этим совсем не наслаждаясь. А если и возвращался, то задолго после заката, и то если его отпускал командир. По одной только прихоти «жирной твари» (не по срочной необходимости!) я могла остаться совершенно одна не только весь день, но и всю ночь в целом незнакомом городе, что шумел за незнакомым окном чужой квартиры... И тогда я точно не могла спрятаться от этого холода, что наполнил отовсюду. Осенний Петропавловск был по-октябрьски холодным даже летом, и поэтому морозило почти постоянно.

Помню первый день в Петропавловске. Сумки, перелет, усталость, хочется спать. Муж на моих глазах из гражданского превращается в военного. Лейтенантские погоны, фуражка. На месте бесшабашного парня теперь строгий морской офицер. А я останусь ждать его дома. Дает последние указания, во взгляде читаю: не хочется ему от меня уходить. В дверях он оборачивается, улыбаясь: «Совсем забыл сказать: а еще тут землетрясения бывают. Почти каждый день. И вулканы. Так что ты не пугайся. Если что, звони мне».

Только этот первый день. Потому что первый день задал остальные, которые потекли однообразно. Одиночество не пугало, потому что вечером с камчатского автобуса ко мне на Горизонт высадится тот, кто не боится вулканов.

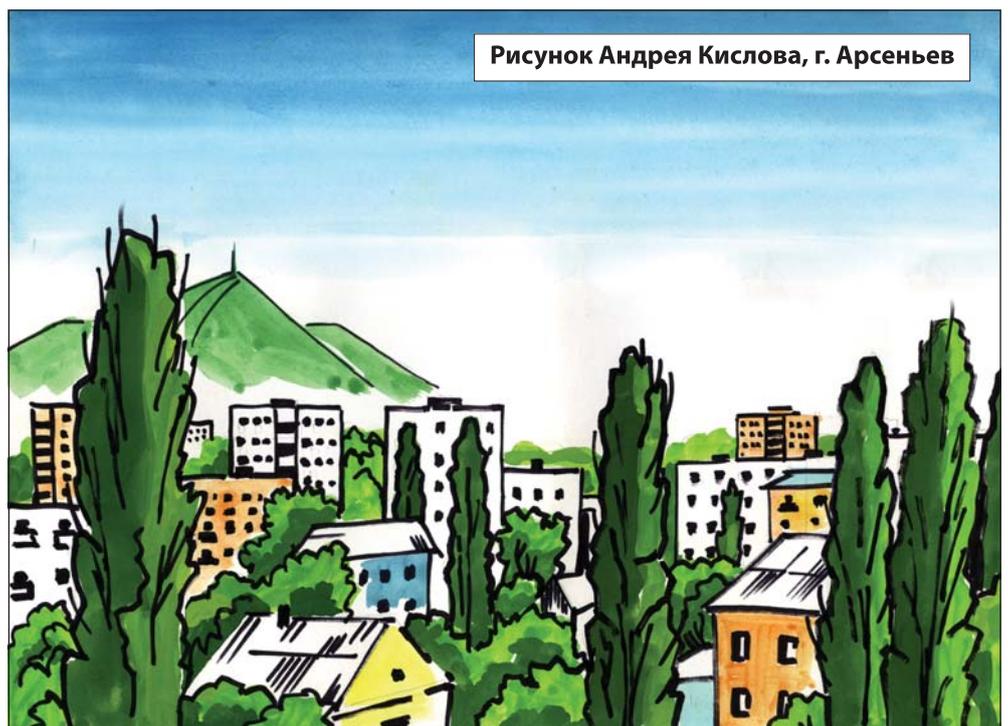

Рисунок Андрея Кислова, г. Арсеньев

ВНИМАНИЕ!

Дорогие наши читатели и авторы!
Приглашаем вас продлить подписной абонемент на наше издание на 2011 год.

Подписка на ежемесячник «Литературный меридиан» осуществляется путём отправки соответствующей суммы **почтовым переводом** по адресу:

**692342, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16.**

Костылеву

Владимиру Александровичу.

6 месяцев — 270 рублей,

1 год — 470 рублей

© **Литературный меридиан**

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 914-666-1-999

Тел. (+7) 924-263-29-79

(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185

E-mail: Lm-red@mail.ru

Дорогие друзья!

Заканчивается 2010 год, а вместе с ним подходит к завершению осенняя подписная кампания. Мы просим наших авторов и читателей оформить подписной абонемент на 2011 год самим и пригласить к сотрудничеству с нашим изданием всех неравнодушных к русскому слову литераторов, служащих библиотечной системы, преподавателей средних и высших учебных заведений, студентов и школьников.

Для упрощения оформления подписки мы поместили на с. 33-34 почти полностью заполненный бланк почтового перевода. Желающему получить «Литературный меридиан» в первом полугодии 2011 года остается лишь вырезать бланк из газеты, вписать свои паспортные данные, почтовый адрес и перечислить указанную в квитанции сумму.

В январе следующего года мы подведём итоги конкурсов, проводившихся в уходящем году, и объявим новые. Присылайте свои пожелания.

Мы благодарим всех, кто с пониманием относится к непростому труду редакции, кто верит в нас и остаётся с нами. Спасибо!

Редколлегия

У подножия Парнаса

**Геннадий ХОМСКИЙ,
г. Уссурийск**

Детство

*Забывтый Богом уголок...
Там нет асфальтовых дорог.
Речушки тихое теченье
Ласкает золотой песок.*

*Как альпинист, могучий лес
На сопки ближние залез,
И елей острые вершины
Уткнулись в синеве небес.*

*На склоне сопки прилегло
Вдоль речки тихое село,
Простою белою ромашкой
Моё в нём детство отцвело.*

*Босой там бегал по траве,
Шалил, ходил на голове,
Порой мечтал на сеновале,
Следя за тучкой в синеве.*

*Грибы собрав в глухом леске,
Домой нёс важно в тусклые
И днями с детскою ватагой
Плескался радостно в реке.*

*Я помню кузницу отца,
Где он, стирая пот с лица,
Являл при ярком свете горна
Мускулатуру кузнеца.*

*Весёлый помню сенокос:
Ряды косцов и взвизги кос;
Зимою – снежные барханы,
Колючий ветер и мороз.*

*Воды немало утекло.
Давно оставил я село.
И многое, что в жизни было,
Забвенья илом занесло.*

*Но, видно, правду говорят:
У памяти особый взгляд,
И детства светлые картины
Она хранит, как редкий клад.*

Главный редактор

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Ирина БАНКРАШКОВА,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

**Юрий КАБАНКОВ,
Валентин КУРБАТОВ,
Георгий НАЗИМОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ,
Владимир ТЫЦКИХ**

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

Газета «Литературный меридиан» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Пер. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.
Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объём издания – 4,5 печатных листа.
Тираж 600 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 12 ноября в 8-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6», г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.